
ГЛАВА ПЯТАЯ

ОКОНЧАНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА

Сношения с православным Востоком: Грецією и Грузиею. - Сношения с Персиею. - Договор с компаниею персидских армян. - Построение корабля для Каспийского моря. - Калмыки. - Сибирь. - Сношения с Китаем. - Общий обзор царствования Алексея Михайловича. - Семейные дела царя. - Его кончина. - Характер. - Приближенные к нему люди.

Мы видели, какую жизнь сообщили нашим сношениям с Грецією нужды русской церкви - исправление книг и Никоново дело. Мы видели, какую важную роль в последнем деле играл Паисий Лигарид, видели, что он хотел оставить Москву при окончании дела. Не знаем - волею или неволею, но он остался в Москве. Летом 1667 года он бил челом государю: "Служу я тебе, великому государю, на Москве седьмой год, а жалованья идет мне на день 11018 алтын по 4 деньга, и этим мне с людьми прокормиться нельзя". Просьба не была исполнена, велено давать прежнее жалованье. Чтобы показать свою службу, Лигарид подал царю письмо, в котором извещал об известном пророчестве, находящемся в житии Андрея-юродивого, что белокурый народ овладеет Константинополем. Паисий, разумеется, прилагает это пророчество к русским, толкует и о князе русском Мосохе, в котором видит москвича. Но Лигарид не мог заниматься в Москве покойно толкованием пророчеств: в 1668 году иерусалимский патриарх Нектарий писал к царю: "Даем подлинную ведомость, что Паисий Лигарид отнюдь не митрополит, не архиерей, не учитель, не владыка, не пастырь, потому что столько лет как покинул свою епархию и, по правилам св. отец, архиерейского чина лишен. Он с православными православен, а латины называют его своим, и папа римский берет от него ежегодно по двести ефимков; а что он, Паисий, брал милостыню для престола апостольской соборной церкви, то лютый волк послал с племянником своим на остров Хиос". Грамота, как видно, не произвела никакого действия, потому что вскоре после ее получения сделано было следующее распоряжение: "Пожаловал великий государь газского митрополита Паисия, велел ему дать жалованье вместо прибавки корму сто рублей: двор, где он стоит, осмотреть и, что ветхо, починить, да с вин, которые купят в Архангельске, пошлин не брать".

Чтоб не было, однако, вперед подобных доносов, Лигарид обратился с просьбою о помощи к логофету константинопольской церкви Константину, писал, что враги оклеветали его, что осуждение произнесено неправильно. "Я не проводил жизни моей, - пишет Лигарид, - в сластолюбии, пьянстве и блуде; смолоду возлюбил я мудрость, с большими трудами и издержками прошел морской путь из любви к учению. Называют меня латиномысленным и еретиком, но я латинским повелениям не повинуюсь,

общего у меня с латинами - одна наука, вместе с ними я был и есмь ревнитель древним философам афинским Ливанию и Ямвлиху, богу добрым служителям. Заступись за меня, преученый муж! Чтобы невежды не тщеславились и не превозносились; будь ходатай и помощник делом и словом". Логофет показал эту грамоту преемнику Нектария Досифею. Тот сильно рассердился на Лигарида, увидав резкие выражения его о своих врагах и гонителях, к которым принадлежал и Нектарий. Но явился царский посланный с просьбою - простить Лигарида и прислать ему разрешительную грамоту. Не исполнить просьбы было нельзя, разрешительную грамоту послали в Москву, и Досифей сорвал сердце, написавши только на Лигаридовой грамоте к логофету: "Если бы не было святого ходатайства царева, то узнал бы ты, кто мертвдушен и беден, тот ли, кто 15 лет как оставил паству без пастыря, или тот, кто полагает душу свою за овцы? Исполнилась на тебе басня Эзопова: козел бранил волка с высокого места; ты сам по себе невелик и глуп, бесчеловечен и бесстыден, только место, где пребываешь, - двор царский. Уцеломудрись хоть теперь".

В конце 1672 года Лигарид собрался в Палестину, но, доехав до Киева, остановился здесь и долго жил, служа великому государю, донося о тамошних делах. Так, в 1675 году он писал к Матвееву: "По боге и царе в тебе имею заступника милостивейшего, помоги мне неким даром вместо милостыни, умоли, чтобы мне позволили служить по-архиерейски. Собирают здесь много денег отовсюду, а кому и на что собирают - не знаю. Изволь об этом розыскать, о бодрейший Киева страж! Разузнай, на что митрополичьи доходы обращаются? Здесь носятся слухи, будто епископ Мефодий освобожден и киевским митрополитом поставлен. Стереги крепко и радей, чтобы этого не было, ибо великая будет смута между духовными и мирскими; до сих пор еще жив раздор и измена, учиненная недавно и бывшая причиною столь великого побоища. Вопиет и св. София, на починку которой взял 14000 рублей у царского величества, о других его своевольствах молчу".

Скоро после этого пришел в Киев царский указ, чтоб Лигарид немедленно возвратился в Москву. Он счел это опалою и, приехав в Москву, написал государю: "Воспевал пророк и царь Давид в десятиструнном своем псалме: не отврати лица твоего от отрока твоего, яко печалюся, скоро услыши мя; то же смею и я возгласить к тебе, единодержавцу-царю: не отврати светлейшего лица твоего от меня, яко погибну душою и телом: особенно печалюсь, потому что не знаю причины моего возвращения". В январе 1676 года Лигарид обратился к Матвееву с жалобами, что умирает от голода и жажды, что просьбы его на смех пересылают из приказа в приказ, что одолжал вследствие большого и трудного путешествия, что для службы церковной нет у него ни священника, ни диакона, ни певца, ни иподиакона: "Ты заботишься обо всем в богатейшем царстве: забыл только обо мне, архиерее". Об нем вспомнили и велели давать корм по-прежнему. Чем занимался Лигарид, видно отчасти из того, что он привез в Москву из

Киева иеромонаха Виссариона, бывшего начальника школ киевских, "для пособия себе в тщаниях и службе царского величества".

Кроме Греции была еще другая страна христианская, православная, более несчастная, более страдающая от бусурман, чем даже Греция, страна, издавна искавшая помощи у единоверной России: то была Грузия. После несчастной попытки при царе Борисе Московское государство отказалось от мысли посылать войска свои за Кавказ, помогало деньгами, посылало духовенство свое в Грузию осматривать состояние церквей, богослужения, помогать тамошнему духовенству советом. Тяжелое впечатление производило грузинское христианство на русских духовных, тем более что последние сами не всегда могли отличить существенное от несущественного и сильно были привязаны к форме, к букве. "Первое у вас несогласие с соборною и апостольскою церковью, - говорили русские духовные грузинским епископам, - первое несогласие то, что церкви от алтарей не отгорожены, царских дверей нигде нет, да и не бывало, престолы везде наги и к стене приделаны, служите в неосвященных церквах, крестов ни на одной церкви нет, да и не бывало, если и есть в церкви иконы, то вы свечи прилепляете к простой стене, а иконы стоят особо, и мнится нам, что у вас к божественным иконам и к честному кресту вера оскудела, да и на себе креста не носите; у кого и есть иконы, и те спрятаны, а иные носят малые иконы на поясах за кушаками; мотаете рукою не по истине и кланяетесь, смотря на небо, а не на иконы; архиереи ваши и попы сами себя крестным знаменем оградить и прочих людей благословить не умеют. Если попу у вас случится служить литургию, то он принесет с собою сосуды и ризы в мешке, а Евангелия и креста ни у кого нет; иной поп, пришед в церковь, постелит на престоле плат и, поставя сосуды, действует в одном чекмене и, отдействовав, покрыв святая, облачится в ризы и начинает литургию; отслужи, велит малому собрать с престола сосуды и ризы в кошель и понесет к себе. Вы, епископы, и попы ваши действуют, ризы надев на шею, свесив наперед, и как начинать литургию, тогда ризы назад спускаете. Крестят у вас младенцев одним погружением. Покаяния отцам духовным мало у вас знают, также и причастия, только при смерти дают причастие, и то без покаяния. Всякие люди у вас входят в церковь в шапках, с саблями и ослопами, и вы, епископы, также входите с ослопами в церковь и в алтарь. Женятся без венца, и если дети будут, то венчаются, а детей не будет, то, покинув старую жену, берут другую; свадьбу у вас играют в Великий пост, в Благовещенье". В одном месте русские духовные были свидетелями следующего явления: между заутренею и обеднею вышло на площадь духовенство, вынесли образ св. Георгия и поставили на столбе, а против образа на церковной крыше сел мужик, надел на себя другой образ св. Георгия и стал говорить во весь мир: "Послушайте меня! Я нынче ночевал в храме, и сказывал мне св. Георгий: людей моих не обижайте, которые в мое имя веруют". После этого мужик начал пророчествовать об урожае и кому умереть в этот год. "Что это у вас, святой человек? - спросили русские. - И умеет он грамоте?" "Нет, не умеет, - отвечали грузины, - но это

такой род: если кто умрет, то из их же роду другой станет рассказывать Егорьевы слова в мир".

Мы видели, что при царе Михаиле кахетинский царь Теймураз поддался России. При царе Алексее весною 1647 года приехал в Москву посол от Теймураза и подал такую грамоту: "Как у отца твоего был я с сыном и со всею Грузинскою землею в холопстве, так теперь и тебе, великому государю, бью челом в холопство. Отца твоего заступлением и жалованьем наше Грузинское государство живо и цело, а если ты нас не пожалуешь, за нас не вступишься, то окрестные государства нас разорят без остатку и станут говорить: вы поддались московскому государю, и он вас выдал, за вас не вступился. Теперь сам я, Теймураз-царь, с сыном своим Давидом отдался тебе в холопство со всею Грузинскою землею, внука своего Григорья пришлю к тебе в холопи в Москву, а за большого моего внука Иоасафа изволил бы ты выдать сестру свою государыню царевну. Да вели к нам послать митрополитов сколько изволишь, государство Грузинское божье да твое: и вера так же была бы справлена, как и в твоём великом государстве". Мы знаем, что в это время, особенно в 1648 году, в Москве было не до Грузии. В 1649-м оттуда повое посольство. "Хотел я, - писал Теймураз, - отправить к тебе, великому государю, внука своего Николая (!), но как узнали об этом персияне, то начали государство мое воевать с трех сторон. Мне через горы внука своего послать нельзя, а на Шемаху персияне не пропустят. Пожаловал бы великий государь, прислал за внуком моим своих людей и велел взять его к себе в холопи".

С ответом на эти предложения отправился в Грузию в 1650 году Никифор Толочанов. Посланник поднес Теймуразу в подарок соболи; царь бил челом низко, но спросил: "Прежде присылали ко мне по 20000 ефимков, а теперь мне с вами не прислано?" "Потому тебе денег не прислано, - отвечал посланник, - что про тебя великому государю было неведомо, где ты обретаешься после своего разоренья, как разорил тебя тифлисский хан; а как только твоя правда и служба объявятся великому государю, то тебя и больше прежнего царское величество пожалует".

"Видите, - продолжал Теймураз, - как я разорен тифлисским ханом по шахову приказу. Прежде государевы послы у меня в Кахетии были и всякое строенье, монастыри и церкви видели, а теперь, где были церкви, там стали мечети; царское величество вступился бы за дом божий и за меня, холопа своего".

Толочанов объявил Теймуразу главную цель своего посольства - взять с собою в Москву внука его, царевича Николая. "А выдаст ли за него великий государь сестру свою?" - спросил Теймураз. "С нами об этом деле не наказано, - отвечал посланник, - такое великое тайное дело, кроме бога да великого государя, кто может ведать? Если бог изволит, а его государская мысль будет, то дело и состоится; а если не будет воли божией

и государственной мысли, то делу как состояться? Ты только отпусти с нами внука своего, исполняй перед великим государем правду свою".

"Если я внука своего пошлю, - продолжал Теймураз, - а государь не изволит государства моего, Кахетии, очистить, ратных людей и казны не пришлет, то зачем моя посылка?"

"Ратных людей, - отвечал Толочанов, - послать к тебе нельзя, потому что горы снежные, высокие, в них расселины большие, ратным людям пройти, наряду и запасов провезти нельзя, у тебя государство пустое и то за шахом, хотя ратные люди и пройдут, то им у тебя с голоду помереть; а казны тебе государь пришлет столько, сколько тебе и в ум не вмещалось, если теперь исполнишь правду свою, внука с нами отпустишь. Кроме того, государь пошлет великих послов к шаху Аббасу, чтобы отдал Кахетию по совету и по братству, а если не отдаст, то думаем, что великий государь пошлет войско свое Каспийским морем на шаховы города и велит городов разорить вдесятеро, только ты совершай правду свою. Если ты отпустишь с нами и другого внука своего, Влавурсака, то великий государь даст ему свое жалованье по своему милосердому рассмотрению".

"Влавурсака никому не отдам, - сказал Теймураз, - мне самому не с кем будет жить, некому будет и души моей помянуть". "Ты нам объявил, что тебя разорил тифлисский хан, - продолжал посланник, - так если тебе в Грузинской земле жить не у чего, то ступай и ты сам к царскому величеству, нам велено принять тебя и с подданными твоими".

"Когда будет мое время, тогда и поеду к государственной милости, а теперь еще побуду здесь", - отвечал Теймураз.

Все эти разговоры кончились тем, что Теймураз не отправил внука в Москву. Тем сильнее высказывал свое усердие к великому государю имеретинский царь Александр, присягнувший при Толочанове царю Алексею Михайловичу. "Теймураз-царь, - говорил Александр, - внука своего с вами не отпускает, а если бы у меня был сын мой Баграат да брат Мамука, то я бы обоих к царскому величеству отпустил. Если государю угодно, то он бы прислал воеводу своего в Кутаис; если бы мне было кому свою отчину, Имеретинскую землю, приказать, то я бы и сам поехал видеть пресветлые государственные очи". В грамоте своей к царю Александр писал: "Учинился я и сын мой, и брат, и весь духовный чин, и ближние люди, и всего государства воинские ратные и земские люди под вашего царского величества высокою рукою в подданстве навеки неподвижно, от детей на внучат. И тебе бы, великому государю, меня не презреть и от недругов неверных держать в обороне, чтобы люди моего государства в неверие не впали. Прежде были у меня в подданстве дадыне и несколько лет тому назад отложились, поддались турецкому султану и живут с бусурманами заодно, берут себе на помощь бусурманскую рать, меня разоряют и воюют. Донские козаки ходят на Черное море и бусурман воюют, а православным

христианам никакого вреда не делают; а дадьяне козаков к себе приманивают, будто хотят вместе с ними воевать бусурман, и, приманя в свои места, их побивают и к туркам продают, и в подарок отсылают к турецкому султану, который за это присылает им жалованье. Те же дадьяне крадут христиан из моей земли и у себя и отсылают к персидскому шаху, просят у него себе помощи; дадьянский владелец сестру свою отдал к шаху и от христианской веры отрекся, за то ему от шаха жалованье и помощь. Он же, дадьянский владелец, отослал другую свою сестру Рустем-хану тифлисскому, чтобы тот шел на меня войною, и Рустем-хан много раз присылал своих ратных людей на мое государство. Теперь я у царского величества милости прошу и желаю, чтобы как-нибудь с Черного моря стругами учинить над дадьянами промысл, за то разоренье им отомстить, от бусурман отлучить, в православии утвердить и под мою руку привести по-прежнему. Дадьянский прислал ко мне, что хочет опять быть у меня в подданстве и сам ко мне приехать, только чтобы я прислал к нему сына моего в заложники. Я сына своего к нему послал, а он ко мне не приехал и сына моего не отпустил: тогда, говорит, отпущу к тебе сына, когда ты поддашься турецкому султану. Брат мой пошел на охоту, а дадьянские люди схватили его и держат у себя. Великий государь пожаловал бы меня, помог мне сына и брата из неволи освободить, а как освободятся, то к себе ли их велит взять или мне отдать - в том его государева воля. Да пожаловал бы, велел прислать мне печать свою, чтобы во всей земле царское повеленье было вернее: да велел бы государь присылать моим ближним и ратным людям жалованье, чтобы они скудны и бесконны не были и имели бы мочь стоять против своих недругов: да велел бы прислать мне пушечный наряд, чем от недругов обороняться".

С 1653 года начинаются приезды в Москву грузинских владетелей: в этом году приехал осьмилетний внук Теймураза Николай Давыдович с матерью Еленой Леонтьевною. За внуком поднимался и сам дед: когда в 1656 году приехал к Теймуразу государев посланник Жидовинов с ефимками и соболями, то встретил его в Имеретии, и бедный старик говорил посланнику: "Персидский шах выгнал меня из моего государства, и живу я теперь в Имеретинской земле, у зятя своего, царя Александра, но от него помощи мне никакой нет, скуден я всем, а в свое государство от неприятелей ехать не смею; теперь я с царицею своею, со внуком и со внукою и со всеми людьми еду служить к великому государю в Москву, поедет со мною человек с триста".

В январе 1657 года в Посольском приказе дьяки расспрашивали троих грузин, приехавших из Тушей, зачем они в Москву приехали? "Приехали мы бить челом великому государю, чтобы пожаловал нас для православной христианской веры, велел принять под свою высокую руку в вечное подданство".

"А прежде у кого были вы в подданстве, и кто у вас начальные люди, и вера у вас христианская ли, и как далеко вы живете от Терека, и в каких

местах, и города у вас есть ли, и сколько у вас служилых людей, и какой у вас бой, кто у вас соседи, и нет ли вам от персидского шаха, от кумык и от черкес какого утеснения, хлеб у вас родится ли, и если великий государь изволит принять вас под свою высокую руку, то на каких статьях вы хотите быть в подданстве?" "Мы хотим быть у царского величества в вечном холопстве, где велит быть на службе - и мы готовы; вера у нас христианская; живем мы в крепких местах, в горах, в трех странах, а городов и начальных людей у нас нет, всякий владеет своею деревнею; ратных людей у нас 8000, бой лучной и копейный, все бывают в панцирях; от Терека до Тушинской земли скорого ходу 4 дни: прежде мы были подданные Теймураза-царя, а как его персидский царь разорил, с того времени живем особо".

Наконец в 1658 году явился в Москву и сам царь Теймураз Давыдович. На представлении великий государь велел царю Теймуразу приступить к своему царскому месту и изволил встать. Тут Теймураз стал бить челом, чтобы великий государь дал ему свою царскую руку целовать, но великий государь руки не дал и сказал: "В Евангелии написано: иде же будут собрани во имя мое, ту есмь и аз посреде их; и мы воздадим хвалу всемилостивому богу, сотворим о Христе целование во уста, ибо ты благочестивой христианской веры", "Я твоего царского величества холоп, - говорил Теймураз, - такого великого и пресветлого государя недостойно мне в уста целовать". "На то божья воля, что ты у нас в подданстве, - отвечал Алексей, - но ты царь нашей благочестивой христианской веры, и по Христовой заповеди сотворим целование в уста". Тогда Теймураз с великим страхом целовал государя в уста.

Государь поручил боярину Хилкову переговорить с Теймуразом.

"С которым турецким царем было у тебя розратье и бой, как давно и какое было тебе от него изгнание и земле твоей разоренье?" - спросил боярин.

Теймураз: "Тому лет с тридцать изменил мне боярин Георгий Сиос и, обусурманясь, поддался турецкому султану Амурату и поднял на меня рать; я против него ходил с своими ратными людьми, и был у меня бой с изменником и турками между моей и Карталинской земли; турецких людей с изменником было тысяч сорок, а у меня было тысячи с три, но мне бог пособил, побил я изменника своего и турецких людей, а побил у турецких людей не многолюдством, силою крестною". Тут царь показал на кресте язву от сабельного удара. "После того, - продолжал Теймураз, - мне от турка никакого гонения и присылки ни о чем не бывало".

Хилков: "Как ты, царь Теймураз Давыдович, бил челом великому государю о подданстве, в то время персидский шах земле твоей какое разоренье учинил и в котором году?"

Теймураз: "Этому лет одиннадцать, как присылал я к великому государю бить челом о подданстве, и нынешний шах Аббас прислал на мое государство ратных людей, я против них бился, и на том бою убили сына моего, дочь взяли насильством да два города разорили; а при старом Аббасе-шахе разоренье было мне многое. Не хотя государству своему разоренья, послал я к шаху мать свою да сына своего меньшого, Александра-царевича, в аманатах. Когда моя мать со внуком приехала к старому шаху и била челом, чтобы он взял внука ее в аманаты и брал с государства дань, а разоренья не чинил, то шах сказал моей матери, чтобы она послала и по другого внука своего, Леона, а он, шах, которого внука в аманаты взять захочет, того и возьмет, а другого отпустит. Мать моя взяла и другого внука, Леона, но шах матери моей и детей не отпустил и присылал к ней, чтобы она бусурманилась, а он ее будет иметь вместо матери. Она отказала, что отнюдь веры христианской не отбудет. Тогда шах отдал ее под стражу и велел мучить: сперва велел сосцы отрезать, а после закаленными железными острогами исколоть и по суставам резать; от этих разных мук мать моя пострадала за Христа до смерти, а тело украл и привез ко мне француз; детей же моих шах обоих извалошил, и теперь они у шаха. После этого шах послал на меня своих ратных людей, я пошел против них и побил, после чего ушел в Имеретию и жил там два года; потом собрался с имеретийскими и дадианскими ратными людьми и шаховых людей из земли своей выбил и землю очистил; но в том же году шах прислал опять ратных своих людей, и я в другой раз ушел в Имеретию, а шах велел всю Грузинскую землю пленить и разорить, чтобы христианство все вывезть. Я и тут персиян выбил и стал владеть своим государством по-прежнему. Но при нынешнем шахе, тому лет одиннадцать, изменили мне два боярина, отвезли дочерей своих к шаху, сами обусурманились и навели на меня шаховых людей; я с ними бился, и на том бою сына моего Давида убили, а меня выгнали; от этого гонения я и до сих пор живу в Имеретии".

Хилков: "Как земля твоя велика, сколько в ней теперь за тобою жилых и разоренных?"

Теймураз: "Земля моя в длину 10 днищ ходу и поперек столько же, городов всех больших семь, а малых и много, только разорены и пусты: в двух городах живут изменники мои, бояре, и в тех городах люди есть, а иные города все разорены; в стольном городе Креме живет людей немного, иные живут по деревням. Надо всем государством моим владетель теперь Рустем-хан, был он грузинской породы, да обусурманился".

Хилков: "Дадьянскую и Гуриальскую земли как давно ты под высокую руку великого государя привел, присягу оне принесли ли, теперь они у великого государя по-прежнему ли в подданстве и кто ими владеет?"

Теймураз: "Как был жив дадьянский царь Леонтий, то у нас с ним была беспрестанная вражда и бой. Но как царь Леонтий умер, и теперь на его

место выбрали сродника моего, Вамыка, который сговорил дочь свою за моего внука Леонтия Давыдовича и крест целовал великому государю со всею землею: государства их, четыре города больших, стоят в местах крепких, у Черного моря, кораблей у них ходит по морю по пяти и по шести, а людей всяких будет с 40000; бой у них сабельный и копейный, пищали есть, а пушки небольшие. Гуриальская земля небольшая, крест великому государю целовала, лежит она между Имеретинскою и Дадыанскою землями. Дадыянами и Гуриальскою землею владеет по совету имеретинский царь Александр, но дани ему не дают, только так с ним в дружбе. Земли эти за моею землею подле шаха. Государь бы пожаловал, велел землю мою очистить от изменников, а до шаховой земли мне дела нет, и, будет ли шах за изменников моих стоять или нет, того я не знаю. Я для того и поддался государю, чтобы он велел землю мою очистить и дать своих ратных людей. Тогда я с государевыми и с своими людьми, с имеретинцами, дадыянами и гурьянцами, соберусь и стану свою землю очищать, а если шаховы люди на меня придут, то я буду от них обороняться. Как великий государь изволит меня отпустить, то отписал бы к имеретинскому, к дадыянам и гурьянам, чтобы мне давали ратных людей в помощь; а к шаху бы изволил отписать, что я православной христианской веры и в подданстве у него, великого государя: так бы шах в землю мою не вступался, а станет ее разорять, то великий государь будет меня защищать".

Хилков: "Великий государь указал тебя спросить: сколько тебе служилых людей надобно, какими местами их до твоей земли вести и как далеко, где им брать лошадей и хлебные запасы, чтобы в дальнем пути и будучи у тебя им голодом не помереть; да не будет ли стоять войною персидский шах за изменников твоих?"

Теймураз: "Надобно воеводу доброго, а ратных людей с 30000 конных; запасы брать из Астрахани до моей земли, а в моей земле запасов будет много; а будет ли шах за изменников моих стоять войною, того я не знаю. Когда я поддался отцу великого государя, царю Михаилу Федоровичу, то государь прислал мне свою жалованную грамоту за золотою печатью; в грамоте написано, что великий государь будет меня от недругов оборонять; после того писаны ко мне многие государевы грамоты, чтобы прислал я в Москву внука моего; я внука прислал, а теперь и сам приехал бить челом, чтобы великий государь пожаловал мне своих ратных людей. Если царское величество оборонить меня не велит, то, смотря на меня, имеретинский царь, и дадыяны, и гурьяны от бусурманского гоненья станут искать другого государя; у всех у нас одно челобитье, чтобы великий государь пожаловал нам ратных людей и велел нас оборонить. Били великому государю челом и неправые козаки, чтобы их изволил взять под свою высокую руку; великий государь и козаков пожаловал для православной христианской веры, изволил взять под свою высокую руку, а с польским королем разорвать; а я был в своем государстве царь православной

христианской веры, а для того поддался великому государю, чтобы ему пожаловать нас оборонить".

С ответом на эти требования приехал к Теймуразу боярин князь Алексей Никитич Трубецкой. "У великого государя, - говорил боярин, - война с польским и шведским королями, ратные люди его многие теперь на границах; так ты бы, царь Теймураз Давыдович, хотя бы какую нужду и утеснение от неприятелей своих принял, а ехал бы в свою Грузинскую землю и царством своим владел по-прежнему. А как царское величество с неприятелями своими управится, то в утеснении и разорении видеть тебя не захочет и своих ратных людей к тебе пришлет и теперь велел тебе дать денег 6000 рублей да соболей на 3000". "Великого государя воля, - отвечал Теймураз, - чаял я к себе государской милости и обороны, для того сюда и приехал, а теперь царское величество отпускает меня ни с чем. Приехал я сюда по указу царского величества, и в то время ко мне не писано, что все государевы ратные люди на его службе; если бы я чаял, что царское величество ратных людей мне на оборону не пожалует, то я бы из своей земли не ездил".

Трубецкой: "Ты говоришь, будто тебя государь отпускает в свою землю ни с чем; но тебе дают 6000 рублей и соболей на 3000, можно тебе с этим жалованьем до своей земли проехать, и ты бы этим великого государя не гневил".

Теймураз: "Дорог мне великого государя и один соболь, а при отце его, государеве, и заочно присылывано ко мне по 20000 ефимков, а соболей без счету; теперь мне лучше раздать государево жалованье по своей душе, нежели в свою землю ехать да в бусурманские руки впасть. Услыхав, что я еду к великому государю, турки, персияне и горские черкесы испугались; черкесы дороги залегли, в горах на меня наступали и ратных людей моих побили, я едва ушел; потеряв своих ратных людей, ехал я к царскому величеству украдкою, днем и ночью, приехал и голову свою принес в подножие его царского величества и челом ударил внуком своим; как увидел государевы очи, чаял, что из мертвых воскрес, чего желал, то себе и получил. А теперь приезд мой и челобитье стали ни во что, насмеются над мною изменники мои, горные черкесы, и до основания разорят. Чем мне отдану быть и душу свою христианскую погубить в неверных бусурманских руках, лучше мне здесь в православной христианской вере умереть, а в свою землю мне не по что ехать. На ком то бог взыщет, что бусурманы меня, царя православной христианской веры, погубят и царство мое разорят? Великому государю какая будет честь, что меня, царя, погубят и род мой и православную христианскую веру искоренят? Я за православную христианскую веру с малою своею Грузинскою землею против турок и персиян стоял и бился, не боясь многой бусурманской рати. Пожаловал бы хотя меня государь, велел проводить своим ратным людям".

Грубецкой: "Государь тебя велит проводить ратным людям и к шаху отпишет, чтобы он на тебя не наступал и Грузинской земли не разорял. Как-нибудь проживи теперь в своей земле, а потом царское величество ратных людей к тебе пришлет, будь надежен без всякого сомнения".

Теймураз: "Коли я сам ныне милости не упросил и никакой помощи не получил, то вперед заочно нечего ждать. И прежде обо мне царское величество к шаху писал, однако шах Аббас землю мою разорял и меня выгонял".

Теймураз отправился. В 1660 году отправился назад, в Грузию, и внук его, царевич Николай Давыдович, с матерью и с царским посланником Мякининым. В Астрахани они узнали страшные новости: имеретинского царя Александра окормили, почувствовав смерть, посадил он на свое место сына Баграта и велел ему жениться на внучке Теймуразовой, что и было исполнено. Но молодой царь сидел на престоле только три месяца; царица, жена Александра, дочь Теймураза, не желая видеть на царстве пасынка, схватила его, выколола ему глаза и вышла замуж за грузинца Вахтанга, с которым и начала владеть Имеретиею; говорили, что она это сделала по наговору католикоса. Встала смута, царь Теймураз бежал в персидский город Тифлис. Боярин Еристов привел турок, а царицу с мужем ее сослал к Черному морю, в город Апхазит. Затем пришла другая весть, что Теймураза взяли и повезли к шаху. Несмотря на эту смуту в Грузии, царевич Николай уехал из Астрахани и остался в Тушинской земле; в 1666 году он возвратился в Москву, а в 1674-м отпущен опять на родину.

Грузия не могла дожидаться, чтобы Россия в царствование Алексея управлялась когда-либо с своими европейскими врагами и могла начать войну в отдаленном Закавказье. Грузинские цари указывали на персиян как на главных врагов своих, от которых русский царь должен оборонить их; но между Персиею и Россиею издавна происходили дружественные сношения, которые невыгодно было порывать. В 1650 году приехал в Москву посол шаха Аббаса Магмет-Кулыбек и привез в подарок от шаха 4000 батманов селитры. В ответе с боярами посол начал старыми жалобами на воровских козаков: взяли они у шахова купчины под Бакою на море с бусы товару на 3000 рублей да 2000 рублей денег, разбойников выбило из моря на берег. Терские воеводы это пограбленное имение взяли, а в Персию не отдали. Так царское величество велел бы отдать, воров-козаков казнить. "Когда я, - говорил посол, - был теперь на Тереке, то сам этих воров-козаков видел, а как пришел я в Астрахань, то писал ко мне шемахинский хан, что воры-козаки опять приходили на шемахинские места и пограбили многих шаховых людей". "Прежде, - отвечали бояре, - между великими государями ссоры и нелюбья из-за козачьего воровства не бывало, потому что козаки эти не из Астрахани и не с Терека, приходят воровать на море с Дону, не одних шаховых, и царского величества людей грабят и побивают. Теперь воры-козаки на море перехватаны и сидят на Тереке в тюрьме, что сыскано у них персидского имения, все велено отдать

вашим людям, которых шемахинский хан пришлет на Терек, и воров-козаков велено казнить смертью при вашем после; но хан до сих пор никого не присылал, и если имение не отдано, то его вина. Козаков терские воеводы хотели казнить при тебе, но ты сам не согласился". "Все это хорошо, - говорил посол, - но в прежней царской грамоте к шаху написано, что вперед воров не будет". "В грамоте этого нет, - отвечали бояре, - государство великое не без вора, а где воры объявятся, то их пригоже сыскивать сообща". Потом посол жаловался, что в Астрахани и других городах таможенные головы ценят товары для пошлин дорогою ценою, тогда как при царе Михаиле пошлины брали меньше и торговых людей из Персии приезжало больше. Ему отвечали, что в пошлинах персиянам никакого убытка не бывает, потому что, чем больше пошлина, тем дороже они продают свои товары, и пошлинные деньги ложатся на людях царского величества. У шаха селитры много: так шахово величество велел бы из своей области в Московское государство отпускать по 20000 пудов на год, а царское величество изволит за селитру посылать медью или соболями. "Государь наш, - отвечал посол, - царскому величеству не только что за селитру, ни за что не постоит; велел бы государь ту работу положить на меня, а я буду говорить шахову величеству".

Наконец дело дошло до Грузии, до Теймураза. Посол так объяснял дело: "Теймуразова сестра была за старым шахом, Аббасом, а Теймуразова дочь была за отцом нынешнего шаха, Сефи, и поэтому Теймураз государю нашему свой. Ссоры у грузинского Теймураза с Рустемом, ханом тифлиским, потому, что они между собою свои, близкие, одного поколения, пошли от великого князя грузинского. Рустем-хан теперь шахов подданный и бусурманин, и половина Грузинской земли за ним, а другая половина - за Теймуразом. Так ссора между ними, и шах на Рустема-хана сердится, что он Грузинскую землю разорил и царевича убил. Теперь Теймураз живет у зятя своего, имеретинского царя, покинув свою землю, а к шаху ни о чем не пишет и не бьет челом; если бы он бил челом, то шах велел бы ему жить по-прежнему в своей земле. Я донесу об этом шахову величеству, и шах для царского величества велит Теймуразу землю его отдать и вперед землю его велит оберегать".

Обещание было исполнено относительно воровских козаков. 39 человек их сидело в тюрьме на Тереке, троих вершили при после Магмет-Кулыбеке: атамана Кондратя Иванова Кобызенка с двумя другими пущами заводчиками, четверо умерло в тюрьме, остальных прислали в Москву; большая часть их была родом из городов восточной украины, трое москвичей, по одному из Великого Новгорода, Костромы, Луха, Романова и Перми, один грузин, а трое названы царегородцами!

В 1653 году поехали в Персию великие послы, окольный князь Иван Лобанов-Ростовский и стольник Иван Комынин. Послы поехали жаловаться на шемахинского хана Хосрева, который давно уже грозился войною на Астрахань и на Терек, все за козаков, а теперь, в 1652 году,

писал к астраханскому воеводе, что гребенские козаки не только грабят персидских торговых людей, но в Дагестанской области поставили городок, служилых людей в нем устроили и там будто черкасскую дорогу закрепили. Хосрев писал, что по шахову приказу он собирает войско, чтобы взять этот город, а потом идти под Астрахань и под Терек. Кроме того, русские торговые люди бьют челом, что в Шемахе Хосрев-хан, а в Гиляни приказные люди задержали их третий год, утеснение всякое, обиды, насильства, налоги и убытки делают большие, бьют, грабят; тогда как в Московском государстве персидским торговым людям во всем свобода и береженье. Шах принимает русских изменников и помогает им: откочевал от Астрахани государев подданный ногайский Чебан-мурза и кочевал под Терек, а потом начал кочевать по Кумыцкой стороне в дальних местах и учинился царскому величеству непослушен. В 1651 году ходили на него царские ратные люди, князь Муцал Черкасский и стрелецкие головы с ногайскими, едисанскими и черкасскими мурзами; но когда государевы ратные люди пришли на Чебана, изменил подданный великого государя вечный холоп Суркай, шевкал Тарковский, и, сложась с Чебан-мурзою, начал с государевыми людьми биться, а ратные люди без царского указа с Суркай-шевкалом биться не смели. Потом Суркай и андреевский Каганали-мурза с кумыками приходили войною на русский Суншинский городок, под Барагуны, и на улусы князя Муцала Черкасского, а к шевкалу прислано было ратных людей из Шемахи 500 человек да из Дербента 300 человек, с ними две пушки; эти шемахинские и дербентские люди с кумыками многих царских ратных людей побили и переранили, а иных в плен захватили, барагунских мурз взяли себе, город Суншинский сожгли, взяли лошадей с 3000, верблюдов с 500, рогатого скота с 10000 да овец с 15000. Великий государь надеется, что все это сделано без повеления шаха Аббаса, надеется, что шах велит Хосрев-хана переменить за это с Шемахинского владенья и накажет его, чтоб вперед между обоими великими государями больше ссоры не было, велит отдать пленных и все пограбленные имения. Великие послы потребовали также, чтобы шах отдал Теймуразу его землю и наказал людей, разоряющих Грузию.

На все это шах велел отвечать послам через своих ближних людей: "Покойный шах Аббас велел на Тереке сделать одну сторожню, а других городов ставить нигде не велел; но вашего государя люди поставили города без указа, и торговых наших людей побили и пограбили; ссора началась, следовательно, с вашей стороны, и шемахинский хан Хосрев послал своих людей, которые те города сожгли. Хан Хосрев умер; преемнику его Мигир-Алей-хану и шевкалу Суркаю шах послал приказ вперед с людьми вашего государя не ссориться, также и ваш государь запретил бы своим людям нападать на персиян, которые на море ходят. Шевкал Суркай, Чебан-мурза и барагунские мурзы приклонились к стороне шахова величества сами собою, а по нашему закону, кто к нам приклонится, тех насильно назад отдавать нельзя; а если они сами захотят служить вашему государю, то шах за них стоять не будет. Приказным

людям велено отдать назад взятки, которые они побрали у русских людей. Как скоро царское величество велит отпустить с Терека Суркаева племянника и торговых персиян, там засаженных, то и русских торговых людей из Шемахи отпустят. Что же касается Грузии, то прежние шахи за непристойные дела царя Теймураза много раз посылали ратных людей в его землю, разоряли ее и самого его выгнали. Теймураз рабски вину свою прежним шахам принес, детей своих прислал, и ему область его отдали. За это у прежних шахов с великими государями российскими нелюбья не бывало. В прошлых годах Теймураз опять затеял непристойные, ссорные, худые дела, и по шахову указу посланы на него ратные люди, которые на бою сына его убили, а его самого выгнали; если Теймураз за вину своего внука своего к шахову величеству придет, то опять область свою получит".

Послы возражали: "Не только та земля, где Терек и Суншинский городок, но и та земля, где Тарки, издавна принадлежит царям российским, города здесь было вольно ставить, и сам покойный шах Аббас просил об этом царя Михаила Феодоровича. О грабеже торговых людей по сыску в Астрахани ничего не объявилось, а если бы и действительно козаки их ограбили, то эта беда им самим от себя: зачем они шли в караване вместе с тарковскими кумыками и другими воровскими людьми; известно, что у терских и гребенских козаков с кумыками бывают ссоры большие: прежде купцы не хаживали в горы без обсылки с терским воеводою и никто их не грабил. Кумыцкие шевкалы и мурзы издавна холопы великих государей наших, а прежние персидские шахи в Кумыцкую землю не вступались, также и теперешний шах не вступался бы и с царским величеством за то нелюбья не начинал; а барагунские мурзы поддались шаху поневоле. Грузинская земля православной христианской веры греческого закона, и грузинские цари издавна подданные наших великих государей".

"Нет! - начали говорить шаховы ближние люди. - Теймураз и вся Грузинская земля в подданстве у наших персидских шахов; правда, покойный шах Аббас обещал царю Михаилу Феодоровичу охранять Грузию по братской дружбе и любви; если и теперь Теймураз сам придет к шаху или внука своего придет, то шах землю его ему отдаст. О Теймуразе и Грузинской земле мы в другой раз докладывать шахову величеству не станем, потому что он велел отвечать вам впрямь и быть тому делу бесповоротно, также и всем другим делам. Нашим торговым людям в Московском государстве свободы нет, держат их на дворах за сторожами, а куда им случится выйти, то за ними также ходят сторожа".

"Это делается не для тесноты, а для обереганья", - отвечали послы.

Шаховы решения остались бесповоротны, переменилось только одно: Аббас велел отпустить всех задержанных в Персии русских купцов. На отпуске он позвал послов вечером к себе в сад прохладиться. Угощали сахарами и овощами; потом принесли перед шаха сосуд золотой с

каменьями, в нем виноградное питье чихирь, шах пил за государево здоровье и спрашивал послов: "У брата моего, великого государя вашего, такое виноградное питье есть ли?" "У царского величества, - отвечали послы, - пей всяких много, и из винограду есть питья - романя, ренское и другие, только не тем именем". Перед шахом стояли в золотом сосуде цветы разные, Аббас, подняв цветы, спрашивал: "В Московском государстве такие цветы есть ли?" "У великого государя, - отвечали послы, - цветы, этим подобные, есть, пианя кудрявая и других многих всяких различных цветов много". Перед шахом играли музыканты на домрах, гусях и скрипках, шах спрашивал послов: "Брат мой, великий государь ваш, чем тешится и в государстве его такие игры есть ли?" "У великого государя нашего, - отвечали послы, - всяких игр и умеющих людей, кому в те игры играть, много; но царское величество теми играми не тешится, тешится духовными: органы поют при нем, воздая богу хвалу, многогласным пением, и сам он наукам премудрым философским многим и храброму учению навичен и к воинскому ратному рыцарскому строю хотение держит большое по своему государскому чину и достоянию; выезжая на поле, сам тешится и велит себя тешить своим ближним людям служилым строем: играют перед ним дровками, стреляют из луков и пищалей".

Ответ шаха насчет Грузии был слишком ясен: продолжать дело можно было только с оружием в руках, а для этого у России в царствование Алексея Михайловича не было никакой возможности. Когда началась турецкая война, то Россия вместе с Польшею попыталась было привести и шаха к союзу с собою против турок, но шах отвечал, что ему нельзя без причины разорвать мира с султаном. Таким образом, относительно Персии у Москвы оставался один торговый интерес. В столицу постоянно приезжали *кизильбашские* купчины и привозили восточные *узорочные* товары, считавшиеся необходимыми для великолепия царского двора. В 1660 году приехал в Москву купчина армянин Захар Сарадов и привез царю в подарок богатый престол, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугом, восточною бирюзою и турецкою финифтью, оцененный в 22589 рублей; перстень золотой с алмазами; жаровню серебряную с сулейкою серебряною для сожигания ароматов; 15 сулей ширазского шарапу, что шах пьет; 4 сулейки водки гуляфной; 3 сулейки водки ароматной; склянницу водки нарызжовой; 12 золотников аромату восточного; 12 ваий, которые государь носит в правой руке во время церемонии шествия патриарха на осляти. В Посольском приказе армянина расспрашивали: можно ли ему в своей земле промыслить для великого государя камень дорогого запон и других узорочных товаров, птиц индейских и мастеровых людей, золотописцев и золотого и серебряного дел мастеров и алмазников-резцов, которые режут на всяких камнях? Армянин отвечал, что отец его и он готовы все промыслить для великого государя, потому что прикащики их ездят во все государства; можно заказать богатый чепрак - можно сделать в 50000: можно из Индии привезти птиц, которые говорят по-индейски, а зверей привезти нельзя,

потому что ехать надобно через два моря. Мастеровых людей в шаховой области много, и он, купчина, станет их призывать в Московское государство. Они с отцом великому христианскому государю во всем работать и служить ради, а не для своей прибыли; шах их жалует, торгуют они беспошлинно. только шах веры бусурманской, а они - христианской веры и для того великому государю служить и работать ради.

Мы видели, как при царе Михаиле англичане и другие западные народы домогались у московского правительства свободной торговли по Волге с Персиею; теперь подобное предложение явилось, наоборот, из Персии, от компании тамошних армян. В 1666 году армянин Григорий Лусиков подал царю челобитную: "Пожалована наша компания от шаха правом вывозить из Персии за море шелк-сырец через которое государство мы захотим. Возим мы шелк многие годы через Турецкое государство, которое обогащается от нас таможенными сборами. Поговори с товарищами, я выехал к тебе, великому государю, бить челом, чтобы ты пожаловал, велел нам возить шелк-сырец и другие персидские товары, которые на немецкую руку, через свое Московское государство за море в немецкие земли и опять указал нас пропускать назад из-за моря через Архангельск с немецкими товарами, с золотыми и ефимками в Персию. Если мы продадим шелк в Астрахани, то заплатим пошлины по 5 копеек с рубля; если не продадим, вели оцепить шелк по 20 рублей пуд, взять по пяти копеек с рубля и пропустить к Москве: если продадим в Москве, то вели взять пошлины по пяти копеек с рубля, если не продадим, то вели оценить пуд по 30 рублей, взять пошлины по 5 копеек с рубля и отпустить к Архангельску. Если продадим в Архангельске, вели взять пошлины по 5 копеек: если же не продадим, вели пуд оценить по 40 рублей, пошлины взять по 5 копеек с рубля и пропустить за море в немецкие земли. А которые персидские товары годны на немецкую руку, вели с нас брать пошлину, как ведется, также вели брать обыкновенную пошлину и с немецких товаров, которые мы привезем в Архангельск. От провозу этого шелка и других товаров твоим подданным великая прибыль. Иноземцы, которые теперь ездят на кораблях в Турецкую землю для покупки этого шелку и других товаров, все будут ездить к Архангельску, и с них будут сходить в твою казну большие пошлины". В мае 1667 года Ордин-Нащокин написал договор с компаниею на условиях, означенных в просьбе; агентом компании в Москве по просьбе армян утвержден был англичанин Брейн. Агент обязывался послать своих верных людей в Астрахань, Новгород, Архангельск и другие порубежные города и всякими делами компании в челобитье и торговых промыслах честно и верно радеть великому государю, его боярам, думным и приказным людям обо всяких делах и обидах извещать и бить челом радетельно, без всякой поноровки недругам компании; отписывать о делах компании к ее членам в Персию, как случатся ездоки. За это раденье компания платит Брейну с проданных товаров по деньге с рубля; если же компания пришлет шелк или другие товары к самому агенту для продажи, то платит ему с продажных товаров

по грошу с рубля; если же он товары продаст или выменяет на другие, то платить ему по другому грошу с рубля.

В мае написан был договор, а 19 июня сделано было распоряжение о строении кораблей для Каспийского моря: великий государь указал для посылок из Астрахани на Хвалынское море делать корабли в Коломенском уезде, в селе Дединове, а ведать это корабельное дело в приказе Новгородской чети боярину Афанасью Лаврентьевичу Ордину-Нащокину да думным дьякам - Дохтурову, Голосову и Юрьеву. В тот же день иноземец Иван фан Сведен объявил в приказе корабельщиков Ламберта Гелта (Holt) с товарищами, четырех человек, нанятых на четыре года. Полковник Корнилиус фан Буковен (Voskhoiven) отправился в Вяземский и Коломенский уезды осматривать леса; к Марселисам на их тульские и каширские заводы послана была память - давать железо самое доброе на корабельное дело. Плотников и кузнецов велено было набирать из рыболовов села Дединова, охотников, а в неволю никого не нудить. Главным распорядителем при строении кораблей был приставлен Яков Полуехтов.

Новое дело пошло не так скоро, как бы хотелось. Хотелось, чтобы корабль поспел к весне 1668 года. но 1 октября 1667-го Полуехтов прислал сказку дединовского старосты, что у них к корабельному делу охочих плотников нет; того же числа другая отписка Полуехтова: кабацкий голова отказал, денег у него нет, на корабельное дело дать нечего. Плотников велели нанимать в Коломне и Дединове, но от 27 октября от Полуехтова новая отписка: в Дединове плотники охотою не нанимаются, а подрядчиков нет, и корабельное дело за плотниками стало. Послали память в приказ Большого дворца, велено всем дединовским плотникам уговариваться без всякого опасенья, наем им будет без убавки, и в неволю на них корабельное дело накинута не будет, ссорщикам не верили бы; Полуехтову послали государеву грамоту: из Дединова у других сел взять у приказных людей плотников тридцать человек, а корму давать им по четыре алтына на день.

Работа пошла с 14 ноября. В январе отписка от Полуехтова: "Плотникам и кузнецам дано корму по четыре алтына на день человеку, а дни малые и холодные, корабельное дело неспорно, а корму без указа убавить не смею". В ответ велено давать по два алтына человеку да смотреть, чтобы не гуляли. Тридцати плотников оказалось мало; понадобились канаты и бичевки, мастеров канатных можно было сыскать между крестьянами епископского села Городищ, но никто из них волею не подряжался; спросили парусного мастера - нет! Иноземцы объявили, что надобно на корабле вырезать корону, резчика негде было сыскать; дединовцы наскучили незванными гостями: староста приходил со многими людьми и ссылал полковника фан Буковена со двора, отводили дворы далеко от корабельного дела. Велели прибавить еще 20 человек дединовских плотников, и полковника велели поставить на ближнем дворе, епископу

коломенскому велели дать канатных и бичевных мастеров; из Оружейной палаты велели выслать в Дединово резного мастера; туда же велели послать из Пушкарского приказа казенного кузнеца Никитина. Но и тут неудачи: Пушкарский приказ отвечал, что кузнец Никитин делает к большому успенскому колоколу язык, а кроме того кузнеца, языка делать некому; Оружейная палата отвечала, что у нее резного мастера нет. Парусных швцов и токарей велели взять на Коломне, кузнецов в Переяславле-Рязанском, живописца и резца на Гранатном дворе; но на Гранатном дворе их не оказалось, послали в Стрелецкий приказ. Между тем наступила весна, май месяц; Полуехтов дал знать, что корабль на воду спущен, будут отделявать его на воде, а яхта и шлюпы поспеют скоро. Но в июне новые жалобы от Полуехтова: коломенский епископ Мисаил канатных мастеров не дает. А епископ жалуется: "Дал я 8 человек мастеров, но Полуехтов бьет их и мучит, в подклеть сажает, пеньки и кормовых денег не дает, мучит голодною смертью". На коломенском Кружечном дворе, на котором до сих пор брали деньги для корабельного строения, денег не достало, послали взять в Зарайске и Переяславле-Рязанском из таможенных доходов. Отыскали и отправили в Дединово иконописца и резца, резцу велено короны резать, а иконописцу, где доведется, цветить. Лето уже приближалось к исходу, а корабль все не был готов. 7 августа послана к Полуехтову царская грамота: велено у корабля на корме сделать и вырезать травы и вызолотить, орла и короны делать не велено, а на носу сделать льва; велено делать с большим поспешением, чтобы в августе месяце отпустить корабль из Дединова. Полуехтов отвечал на это, что главная остановка за епископом Мисаилом: осьми канатных мастеров мало, а епископ не дает в прибавку. Послали новую грамоту к епископу, с большим подтверждением, а к Полуехтову опять приказ, чтобы непременно корабли были готовы к отпуску в августе месяце. Прошел август, прошла и половина сентября, Полуехтов доносит, что корабль, яхта, два шлюпа и боты сделаны, совсем наготове, но больших канатов, на чем кораблю и яхте стоять, не сделано, потому что мастеров только 8 человек, а больше епископ Мисаил не присылывал. Пошла третья грамота к епископу, а к Полуехтову приказ: отпустить корабли в Нижний Новгород с полковником фан Буковеном и корабельщиками, а кормщиков и гребцов взять из Коломенского посада и Коломенского яма, знающих людей, которые бы в Оке-реке водяной ход знали. В Нижнем велено корабли поставить для осеннего и весеннего льда в заводях и беречь накрепко; чего на кораблях не поделано, то фан Буковен должен был доделать в Нижнем. Но 19 октября отписка из Дединова: коломенские ямщики государеву указу учинились ослушны, на корабли кормщиков и гребцов не дали, кораблю по Оке идти нельзя, вода мелка.

А тут еще Полуехтов поссорился с Буковеном, начали доносить друг на друга: фан Буковен пишет, что в Оке вода мелка, идти кораблю нельзя, а Полуехтов пишет, что в реке вода велика и кораблям идти можно, только полковник с подьячим пьет и бражничает, о государеве деле не радеет, хочется ему, чтобы корабли зазимовали в Дединове. Чтобы помочь делу,

послали грамоты к Полуехтову; если отпуск замедлится, то быть ему в опале и наказанье, и, во что корабли станут, те деньги доправят на нем; к Буковену: если не пойдет в Нижний тотчас, то доправят на нем кормы за все прошлые месяцы. Но и это не помогло: Буковен дал знать, что с 4 ноября морозы сильные, по Оке лед начал плыть большой; а Полуехтов присылает сказку за руками старост Ловецких сел, что 2 ноября по Оке корабельный ход был. Как бы то ни было, корабль зазимовал в Дединове.

20 ноября явился в Посольском приказе корабельный капитан Давыд Бутлер с 14 товарищами, приехали они из-за моря, из Амстердама, к великому государю в службу по призыву фан Сведена. 2 марта 1669 года Бутлера с товарищами да астраханца, который на Каспийском море бывал, отправили в Дединово осмотреть корабль, можно ли на нем по Каспийскому морю ходить? Посланные возвратились и объявили, что корабль и яхта годны. 25 апреля по государеву указу велено кораблю дать прозвание *Орел*, капитану Бутлеру велено поставить на носу и на корме по орлу и на знаменах и на еловчиках нашивать орлы. Бутлер подал в Посольском приказе список с артикульных статей, как должен капитан между корабельными людьми расправу чинить и ведать их; артикулы были одобрены. Наконец в начале мая *Орел* двинулся из Дединова, а 13 июня отпущен из Нижнего в Астрахань. Постройка корабля, яхты, двух шнеков и бота обошлась в 9021 рубль.

Неудачному началу соответствовал несчастный конец: Стенька Разин сжег корабль в Астрахани. Разбои Разина, разногласие, происшедшее в компании, и смерть шаха Аббаса II помешали также исполнению договора, заключенного с армянами. Между тем Ордин-Нащокин удалился от дел, место его занял Матвеев, и в июле 1672 года в Посольский приказ созваны были выборные торговые люди, по два человека добрых из сотни. Им прочли договор с армянскою компаниею 1669 года и спросили: если армяне по договору шелк сырой и всякие товары станут привозить в Московское государство, в Архангельск, Новгород, Псков, Смоленск, и за море с товарами ездить, то не будет ли московским и всех городов купецким людям в их промыслах помешки? Выборные отвечали: "При царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче Персидской области купецкие люди, персияне и армяне, кумычане и индейцы, приезжали с шелком и со всякими персидскими товарами и торговали в Москве и в Астрахани и по другим городам всегда с русскими купецкими людьми, а с немцами, греками и ни с какими иноземцами нигде не торговали, а в немецкие земли через Московское государство не езжали. А русские купецкие люди со всякими русскими и немецкими товарами ездили в Астрахань и в Персию за море и меняли русские и немецкие товары на шелк и на другие персидские товары и продавали их в казну великого государя, а из казны продавали немцам на ефимки, также и от себя продавали шелк немцам на ефимки, а ефимки отдавали в казну на мелкие деньги, и оттого казне бывало немалое пополнение, а русским купецким людям был промысел, и многие пошлины сходили с них и с персиян. Если

же теперь армяне станут торговать с немцами, то постановят с ними договор, шелк продадут немцам на ефимки и на золотые и на заморские такие товары, которые прежде русские люди покупали у немцев и продавали персиянам. Так, по этому договору ефимки и золотые и заморские товары пойдут в Персидскую землю через Московское государство, и Персидской земле будет прибыль, а казне великого государя убыток, русские купецкие люди лишатся своих промыслов и придут в убожество".

В конце 1672 года опять приехал в Москву Григорий Лусиков и услышал от Артамона Сергеевича Матвеева такие речи: "В 1667 году великий государь вас, армян, пожаловал, с шелком и другими товарами вам приезжать позволил, как о том в крепости написано. Для покупки шелка приготовлена царская казна многая, и потерпела она в простое от долгого времени убытки великие. Этим вы свой договор нарушили, а теперь объяви, по договору шелк с собою ты привез ли и чем вознаградишь убытки, понесенные царскою казною?"

Лусиков: Христос не пришел разорять Моисеева закона, но исполнить, а слух носится, что договор о шелке хотят переменить. *Матвеев:* Правда, что Христос сошел на землю ради нашего спасения и не пришел разорить закон, но исполнить; это твое слово к пополнению царской казны пристойно. Объяви, каким способом можешь вознаградить царскую казну за убытки?

Лусиков: В договоре не постановлено, чтобы нам шелк ставить в царскую казну. Шелку я не привез теперь с собою за козацким воровством, а как вознаградить убытки царской казне, не ведаю.

Матвеев: За козацким воровством останавливать товаров вам было не для чего, потому что всякому свое здоровье должно беречь больше пожитков; сам ты проехал и шелк мог провезти, а не привез - царскую казну изубытчил и договор нарушил.

Лусиков: Если покупать шелк в казну, то этим самым договор будет нарушен, потому что в договоре такой статьи нет.

Матвеев: Если у царского величества с немецкими государями будут какие ссоры, то за море вас отпускать нельзя, торговать вам в Архангельске и в других русских городах, продавать свои товары или в царскую казну, или русским торговым людям. На эту новую статью, не находившуюся в первом договоре, Лусиков отвечал письменно, что они, армяне, согласны на нее, только бы установлена была шелку цена, и если во время проезда из Астрахани до Москвы учинится в товарах убыток, то он вознаграждается из казны царской. На установление цены согласились, но относительно случаев утраты товаров от воровства постановили: если на Волге объявится воровство, то астраханские воеводы дадут знать об этом в первый

персидский порубежный городок, чтоб торговые люди в Астрахань с шелком и другими товарами не ездили. Если, несмотря на все бережение и провожание армян. товары потонут или каким-нибудь другим образом пропадут, то с этих товаров пошлин не брать. Армянин вытребовал, чтобы во время провозу товаров при них был постоянный караул из русских людей, и если за этим караулом товары пропадут, то хозяевам искать судом на караульщиках, и если разыскать будет нельзя, то давать веру. "Зимою, - говорил Лусиков, - приедем на стан и пойдем в избу, а без нас русские люди что хотят, то и сделают над нашими товарами, потому что мы к зиме непривычны, на морозе оставаться не можем". Что касается до цены, по какой брать шелк в казну, то уговорились, чтоб пуд шелку *лежей* стоил 35, а *ардаш* 30 рублей. Григорий Лусиков дал обязательство: "В немецкие государства через Турцию и никаким другим путем с шелком-сырцом и другими товарами ни компанейщикам, ни другим подданным персидским не ездить; если иноземцы приедут в Персидское государство для покупки шелку, то армяне не должны им его продавать: весь шелк идет в Россию".

21 мая 1673 года Матвеев призывал гостей Василья Шорина с товарищами и объявил им царский указ: вперед из Астрахани русских торговых людей и их прикащиков в Персию не отпускать; также персидским торговым людям торговать с русскими в одной Астрахани и в верховые города их не пускать до тех пор, пока будет постановлено об этом чрез послов от обоих государств. потому что шемахинский хан гостя Астафья Филатьева прикащика, также и других прикащиков товары и имение взял грабежом и вперед русских людей будут грабить из мести, что в Астрахани при Стеньке Разине ограблены шахов посланник и купчины. Будучи на Москве в Посольском приказе, домогались они многими разговорами и челобитьем, чтобы великий государь указал послать в Астрахань и другие понизовые города сыскные грамоты.

Посланнику отказали в этом для того, что в Астрахани после Стеньки на воровстве многие торговые люди купили персидские товары и везут в Москву и другие города: так если бы послать сыскные грамоты, то посланник и купчина, где такие товары сыщут, будут называть своими и начнутся великие ссоры. Если гостям такое распоряжение, чтобы в Персию не ездить и торговать в Астрахани, годно, то пусть пришлют сказку за руками в Посольский приказ.

Гости прислали сказку: "Русским купецким людям в шаховой области во всех городах от начальных ханов чинится великая обида, и теснота, и неволя; ханы берут лучшие товары, соболи, пупки, сукна, кость рыбью и слюду без цены силою, держат у себя по полугоду и по году и после долгого челобитья платят цену вполовину и в треть, а иные товары, держав долгое время и перегнав, отдают назад с великим бесчестьем и обидою; а во многих городах русских купецких людей бьют и увечат палками безвинно. В Шемахе в 1650 году захватили русских купецких людей и держали их взаперти до 1656 года, причем убытка русские люди потерпели

больше 50000. В 1660 году тарковский шевкал пограбил товары гостей Шорина, Филатьева, Денисова и Задорина с лишком на 70000 рублей. В 1672 году тот же шевкал ограбил астраханского жителя, армянина Нестора, с лишком на 5000 рублей; а шевкаловы торговые люди ежегодно приезжают в Астрахань и торгуют вольно; если бы их задержать в Астрахани, то и шевкал перестал бы грабить русских людей. Видя такие обиды в шаховых областях, русские купецкие люди ездить туда опасаются: но чтобы и персидских купцов далее Астрахани не пускать, иначе они отнимут промыслы у русских людей и царской казне будет убыль большая: персияне и армяне, кумычане, черкесы, индейцы и астраханские татары, приезжая в Москву и другие города, станут продавать свои товары всяким людям врознь дорогою ценою, а русские товары лучшие станут покупать дешевою ценою; вместо двух и трех пошлин, что с русских сходит, станут платить одну пошлину; русским всяких чинов людям в покупке персидских товаров передача великая, вся прибыль будет у персиян".

По прочтении этой сказки послали спросить Лусикова, не рассердится ли шах, если персиян не будут пропускать из Астрахани в Москву? И не будет ли от персиян челобитья шаху на них, армян, когда они одни, по договору, будут приезжать в Москву и другие русские города? Лусиков отвечал, что персидские купчины теперь и сами не поедут в Россию, потому что прежде брали они товары взаймы из шаховой казны, казначей брал с них взятки и давал им роспись за шаховой печатью, вследствие чего они торговали беспошлинно; а теперь, как состоялся договор с армянскою компаниею, купчинам казенных товаров уже не дают; бить челом персияне на армян не будут, потому что последним шах дал жалованную грамоту на вывоз шелка в Россию, и грамоты этой переменить нельзя. По этому случаю Лусиков прибавил: "Приезжают из шаховой области в Русское государство тезики с купчинами, а иные и особо, торги у них малые, обыкновенно торгуют табаком, живут в Москве и других городах многие годы, а прибыли от них нет. Тому лет с шесть подговорили они и увезли из Москвы молодую монахиню, которая обусурманилась и вышла замуж за тезика, и тезики нас, армян, укоряют, что вот христиане в их веру обращаются: указал бы великий государь всех тезиков отовсюду выслать в Персию, шаху будет это приятно; а мы, армяне, табаком торговать и русских людей увозить не будем, потому что мы христиане".

До сих пор мы следили за сношениями Московского государства, готового перейти в Российскую империю, с государствами Европы и Азии, с народами, принадлежащими христианской или магометанской цивилизации. Но Россия с самого начала своей истории имела постоянно соседями кочевые народы, выходившие из степей Средней Азии, и мы знаем, какое влияние оказывало на ее историю это соседство. Исчезли печенег и половцы, страшные поработители-татары подчинились своим прежним данникам - русским, хотя и не переставали обращать взоры на Константинополь в ожидании, что преемник калифов избавит их от царя христианского; но степная Украина не переменяла своего характера,

кочевники движутся, теснят друг друга, как некогда половцы потеснили печенегов, татары - половцев. Но теперь они сталкиваются уже не с Киевскою Русью, сталкиваются с могущественною для них Москвою, и любопытно проследить их первоначальные отношения к Москве, как сначала они хотят удержать свою независимость, право движения и хищничества, но скоро волею-неволею должны подчиниться Москве, войти к ней в служебные отношения, из диких половцев сделаться черными клобуками.

В 1645 году, еще при жизни царя Михаила, двое калмыцких тайшей прислали в Москву послов своих бить челом о принятии их в послушанье с обещанием служить и добра хотеть, а государь бы за это велел приезжать им к Астрахани, к Уфе и к другим городам со всякими торгами. Алексей Михайлович по восшествии своем на престол в конце того же 1645 года отправил к тайшам голову московских стрельцов Кудрявцева, чтобы их уговорить и к государственной милости обратить без войны и без крови. Кудрявцев выехал из Уфы 22 марта 1646 года по последнему зимнему пути, по пластам, степью и ехал до калмыцких улусов четыре недели в полую воду. 21 апреля приехал он в улус к Лоузаню-тайше на речку Киим и велел ему сказать, чтобы послал к братьям своей, племянникам и другим тайшам, пусть съедутся в одно место для выслушания царского посланника. "Для этого наши тайши ко мне не поедут, - отвечал Лоузань, - подай государеву грамоту мне здесь и государево милостивое слово скажи". Кудрявцев поехал к нему и подал грамоту. "Подожди, - сказал тайша, - когда обо всем между собою переговорим, тогда тебе обо всем скажем". Кудрявцев ждал неделю и дождался: Лоузань прислал к нему людей своих, те прибили, ограбили посла и отвезли его в другой улус к племяннику Лоузаневу Наамсару; тот послал его к другому дяде своему; последний, продержав Кудрявцева три недели, отослал назад, к Наамсару. 17 июня тайши съехались на реке Ор и позвали к себе посланника, который говорил им такую речь: "Ведомо вам самим, что издавна были вы у великих государей царей в послушанье, но в 1613 году, забыв милость царя Михаила Феодоровича, приходили под Астрахань, русских и ногайских людей побили, а едисанских мурз и улусных людей с женами и детьми взяли и отвезли к себе и до сих пор не отдали. Потом вы ходили на Терек на ногайских мурз, но были побиты в горах кумыками и горными черкасами. Этим вы не унялись, но приходили под Саратов и другие понизовые города. Не терпя таких досад, царь Михаил Феодорович посылал на вас воеводу своего Плещеева; воевода встретил вас за Саратовом и многих побил, других в плен взял и много разоренья за ваши неправды вам сделал; наконец вы прислали к великому государю бить челом, чтобы принял вас под свою высокую руку. Великий государь Михаил Феодорович пременял гнев на милость, воевать и разорять вас больше не велел, а сын его, великий государь царь Алексей Михайлович, послал к вам меня с своим милостивым словом: и вам бы от неправд своих отстать, великому государю служить, из-под Астрахани и из-под Уфы и от других городов отойти кочевать на прежние свои дальние кочевья и передо

мною присягу дать по своей воре, едисанских татар отпустить, аманатов в Астрахань и Уфу дать из тайшей или из улусных лучших родственных людей. А как вы все это исполните, то государь станет вас держать в своем милостивом жалованье, торги и промыслы вам будут беспошлинные". "В прошлых годах, - отвечали тайши, - калмыцкие улусы у московских государей в послушанье бывали ль или нет, и чем их прежние государи жаловали или нет, того мы не упомним; а то мы знаем, что деды и отцы наши, и мы сами, и братья наши, и племянники у царей московских и у царя Михаила Феодоровича никогда в послушанье не бывали и никакого государева жалованья к нам не присылывано, и послов своих не посылавали с челобитьем, чтобы быть нам в неволе, посылали мы бить челом о том, чтобы быть с государем в мире, нам на его города войною не ходить, а ему на нас своих ратных людей не посылать и дать нам под своими городами торг. К Астрахани ходили не все тайши, ходило только двое тайшей, ходили не под государеву отчину, а на встречу к едисанским мурзам и улусным людям, которые просили наших тайшей, чтобы приняли их к себе; тайши к себе их и приняли, взяли их не за саблю, люди они божьи и теперь кочуют на степи своими улусами по своей воле, захотят под Астрахань, и мы их не держим, а по неволе не отдадим. Под Саратов и другие города мы не прихаживали, а если кто и приходил из нас украдкою, того мы не знаем, потому что кочуем не в одном месте; а что воевода Плещеев наших людей побил и в полон взял, то так повелось из века, на войне побивают и в полон берут. Государь велит нам идти из-под своих городов на прежние дальние кочевья, но мы кочуем не под его городами, земля божия, кочуем на порожней земле, мы, люди божии, вольные, кочуем по своей воле не в указ. Служить мы государю не хотим, а и без шерти лиха ему не желаем, в прежние годы не бывало, чтобы мы какому-нибудь государю служили и шерть давали; если ты поцелуешь крест, что государь не будет нас воевать, то и мы велим лучшим людям шертовать, что войны начинать не будем. Аманатов не дадим, потому что этого у нас не повелось, а русского полону у нас нет, потому что мы на Русь не ходим, а торг - дело вольное, велит государь с торгом приходиться, и мы торгуем, а нам и кроме государевых людей есть с кем торговать, пошлин же никому не даем".

"Если так, - сказал Кудрявцев, - то государь велит вас воевать с двух сторон с огненным боем и к врагам вашим, дальним калмыкам, пошлет, чтобы также шли на вас".

"Что ты нам грозить приехал! - отвечали тайши. - Если бы ты не из Москвы был прислан, то за такое слово быть бы тебе в Бухаре; если бы государю нас воевать, то он бы и не грозясь велел воевать и разорять: это в божьей руке, кому бог поможет". Калмыки действительно сговаривались посланника убить или продать, то некоторые отговорили, Кудрявцева повели в дальние кочевья, где он терпел голод, принужден был есть всякую скверну. Здесь посланник виделся с ногайскими и едисанскими мурзами и уговаривал их возвратиться под Астрахань. "Мы государю изменили, - был

ответ, - и нам назад идти нельзя, улусные люди не хотят, да если и пойдем под Астрахань на старые кочевья, то калмыки придут и возьмут нас, если же от калмыков будет тесно, то мы пойдем под Астрахань". "Все это мурзы обманывают, - писал Кудрявцев, - забыли государеву милость и калмыцких тайшей на всякое зло наговаривают; только бы не они, то тайши иного и не знали бы, всякие русские обычаи рассказывают и наговаривают". Кудрявцев выведывал у калмыков, не согласятся ли они идти вместе с русскими людьми войною на Крым, но тайши отказались. "Ждем мы на себя войны от дальних калмыков, - говорили они, - а Крым от нас далеко, место незнакомое, и с русскими людьми идти нам вместе нельзя; ваш русский поход тяжел, ходите пеши: где нам идти день, а русским людям идти неделю, да и русских людей опасаемся, чтобы чего-нибудь над нами не сделали". Продержав Кудрявцева у себя почти пять месяцев, калмыки наконец отпустили его из степи.

Калмыки остались на новых своих кочевьях по Яику, Ору, Сакмаре, по рекам, которыми владели ясачные люди Уфимского уезда, грабили, били и хватили в плен этих ясачных людей на промыслах; врывались в Казанский и Самарский уезды, разоряли русские и башкирские села. Башкирцы платили им тем же, с обеих сторон накоплялись пленники, и шли переговоры о их размене, причем московское правительство не переставало твердить тайшам, чтобы уходили назад, в свои дальние кочевья, на Черные пески и на Иргиз-реку, и не занимали бы земель между Яиком и Волгою. Тайши отвечали одно, что в холопстве никогда ни у кого не бывали и никого не боятся, кроме бога. "Земля и воды божьи, - говорили они, - а прежде та земля, на которой мы теперь с ногайцами кочуем, была ногайская, а не государева и башкирских вотчин в тех местах не бывало; мы, пришедши сюда, ногайцев сбили, и ногайцы пошли кочевать под Астрахань; а как мы под Астраханью ногайских и едисанских мурз за саблю взяли, то и кочуем с ними пополам по этим рекам и урочищам, потому что они теперь стали наши холопы; нам в этих местах зачем не кочевать? Да, кроме них, и кочевать нам негде, а государевых городов здесь нет".

Но недолго калмыки говорили этим языком. В 1657 году четверо тайшей прислали царю грамоту, в которой писали: "Большой астраханский воевода начал к нам беспрестанно послов присылать, не дали нам покою, все аманатов у нас просили. И мы, калмыки, аманатов своих дали, родственника своего, при воеводах и при дьяке шертовали с своими улусными людьми, и на договорной записи мы, тайши, руки приложили, чая от вас, великого государя, вперед жалованья, а как шертовали, то сказали нам, что жалованье будет". Калмыцкие послы подали статьи: 1) Чтобы великий государь велел тайшам давать жалованье, а их родства есть еще три улуса, и они, увидя к себе государеву милость и жалованье, и те улусы станут призывать под царскую высокую руку. 2) Велел бы государь летом кочевать им от Астрахани вверх по Волге по обе стороны, и на перевозах бы их нигде не задерживали. 3) В городах, которые близко их

кочевья, указал бы государь давать им торг повольный, налогов бы и обид от воевод не было и во всем бы их оберегали. 4) Указал бы государь идти им в Крым войною, а с ними бы послать астраханских служилых людей.

Последняя статья была очень важна при тогдашних обстоятельствах Московского государства, и в 1661 году дьяк Горохов отправился к калмыцкому тайше Дайчину с требованием, чтобы послал к крымскому хану, велел ему отстать от польского короля и не давать ему помощи, и если не отстанет, то калмыки будут воевать крымские юрты. Но всего бы лучше, говорил Горохов, если бы Дайчин-тайша нынешним летом со всеми калмыками пошел воевать крымские юрты: там богатства много от польских людей, наполниться калмыкам есть чем; царского величества премногая милость к тайшам и ко всем калмыкам будет за их службы, и в государевых городах русские люди, видя калмыцкую правду и прямую службу, будут с калмыками единомушно.

"Великий государь спрашивает теперь на нас службы, - отвечал тайша, - а жалованья посылает нам мало, тогда как мне говорили, что будет мне жалованье такое же, как прежде было крымскому хану".

"Так говорить не годится, - возражал Горохов, - потому что вы в подданстве и послушанье у великого государя. Жалованья вы перебрали уже много, а службы еще никакой не показали".

"Калмыки служат великому государю, - говорил тайша, - воюют улусы послушных Крыму ногаев; мы были и под Азовом, и по реке Кабану и теперь ради исполнить повеленье великого государя, пошлем своих людей на Крым, а после большой воды пойду сам с детьми и племянниками, стану станом на Дону подле козачьих городков и буду промыслять над Крымом. Всем своим улусным людям и татарам велю приказ учинить крепкий, чтобы никаких ссор и задоров с людьми великого государя не чинили, только чтоб и от русских людей калмыкам лиха не было, а злее всех башкирцы: всегда всякое зло калмыкам от башкирцев".

"В прошлом году, - отвечал дьяк, - вы жаловались, и по этой жалобе послан на Уфу стольник Сомов, велено ему про башкирцев сыскать накрепко, взятое ими отослать к вам в улусы, а башкирцев, пущих воров, велено казнить смертию, а других наказывать торговою казнию. Башкирцы, пущие вору и ваших улусов разорители, Гаурко Ахбулатов с товарищами, 30 человек, избывая смертной казни, бежали и живут теперь у сына твоего Мончак-тайши, и сын твой, позабыв их обиды, сделал им большой привет и ласку, дал им на приезде по две лошади да по верблюду человеку, коров и овец дал немало; но это сделал он неправдою, шertzь свою нарушил. Пусть он этих воров-башкирцев отошлет в Астрахань, а если их отдать не захочет, то вперед башкирцев от калмыцкого разоренья унимать нельзя".

Дайчин, помолчав немного, сказал: "Я про это ничего не знаю: когда увидишься с Мончак-тайшею, то поговори с ним. Мончак сам владелец, а я стар, и улусные люди прочат Мончака, а я к нему с ближними своими людьми прикажу. Повидавшись с Мончаком, поезжай в Москву поскорее, службу нашу и послушанье великому государю объяви, и если вперед государю надобно будет наше калмыцкое дело, то государь указал бы ведать это дело в Астрахани Казбулату, мурзе Черкасскому, потому что ему калмыцкое наше дело за обычай".

Дьяк поехал в улус к Мончаку, и первым делом его было по приезде туда отправить уфимских жителей переговорить тайком с беглыми башкирцами: для чего они великому государю изменили, с Уфы бежали и какого себе добра ждут в калмыцких улусах? Калмыки - давние им злодеи и будут мстить им за свою кровь. Когда Горохов пришел к Мончаку, то тайша объявил, что он от отца своего не разделен и повеленье великого государя также исполнить хочет с радостью. Но иное говорили мурзы едисанских татар, они приехали к дьяку и объявили от имени тайши: "Великий государь спрашивает на нас службы, а жалованья привезено мало; если нам государева жалованья дано будет столько же, сколько давалось крымскому хану, по 40000, то мы на службу пойдём, а если жалованья не будет, то на службу не пойдём, а станем воевать по Волге города великого государя и его людей".

"Вы это говорите, забыв страх божий, - отвечал Горохов мурзам, - вам следовало о делах великого государя радеть, потому что вы его холопы природные". "Мы служили и радели, - сказал один из мурз, - калмыков к послушанью великому государю привели, но ничего за это не получили; ты нам теперь ничего не привез, так мы тебя и всех государевых людей, которые с тобою, ограбим и тем себя наполним. Крымский посол у нас, и мы с этих пор станем радеть крымскому хану". Сказавши это, мурзы вышли с шумом.

Дьяк немедленно послал толмача проведать, правда ли, что крымский посол в улусах? Толмач возвратился с известием, что в улусах азовский ага и говорит, что крещеные с хохлатыми соединились и будет от них бусурманам зло. Горохов вместе с Казбулатом, мурзою Черкасским, отправился к Мончаку; тайша велел запереть избу и никого не пускать, начались тайные переговоры. Дьяк рассказал тайше о приезде едисанских мурз и о их речах: тайша отвечал, что он мурз не посылал, но что они действительно озлоблены, не получая ничего от государя: против их челобитья объявлено им княжество и жалованье и ничего не дано, а можно было их обрадовать.

"В калмыцкой орде над калмыками и татарами владельцы вы, тайши, - говорил дьяк, - великий государь присылает вам жалованье, с вами о своих делах переговоры ведет, а мурзам в равенстве с вами быть непристойно; да и то вам знать можно, что мурзы и все татары калмыкам не доброхоты,

послушны вам только из страха, по своей бусурманской вере желают всякого добра крымцам, а калмыкам ищут всякого разоренья и хотят вас от милости великого государя отлучить. Абызы их татарские по закону своему говорят, что татарам и Крыму быть от калмыков в разоренье; теперь отец твой, Дайчин, посылает на Крым своих ратных людей, и надобно думать, что приспело время вам, калмыкам, крымскими юртами завладеть: так тебе пристойно быть с отцем своим в одной мысли, а раскольников-татар не слушать".

"И в нашем калмыцком письме написано, что калмыки будут владеть крымскими юртами, - отвечал тайша. - Есть на Крымском острове гора, слывет Чайка-бурун, про ту гору написано у нас, что в ней много золота и владеть тем золотом калмыкам. Что татары нам не доброхоты, это мы и сами знаем, бусурман доброхот бусурману, только и на русских людей надеяться нам нельзя: яицкие козаки, и по Волге из городов русские люди, и башкирцы много зла ежегодно нам делают, русские люди обычаев калмыцких не знают, и чинится оттого во всем рознь; а крымский хан каждый год присылает послов к нам, сулит большую казну, хочет брать государевы города калмыцкими людьми и отдавать их совсем калмыкам. Но мы не слушаемся и крымскому хану не помогаем, но и войною нам идти на Крым с чего? Нам казны не прислано, а крымскому хану ежегодно из Москвы посылают по сороку тысяч золотых; однако же крымцы на Русь войною ходят, а калмыки чем хуже крымцев, что им столько казны не давать?"

Дьяк отвечал: "Крымский хан хочет давать вам государевы города, но это дело не статочное, потому что крымцы не только городов, и малой деревни никогда у нас не брали. Вы хотите большой казны, но прежде покажите свою службу. Вот будет служба, если вы теперь крымского посла отправите в Москву, за это получите большое жалованье, а послу ничего дурного не будет".

"Этого сделать никак нельзя, - сказал тайша, - нам будет укорно, и вперед никто к нам послов посылать не станет". Этим разговор и кончился.

Горохову удалось зазвать к себе несколько беглых башкирцев. На вопрос, зачем бежали, они отвечали, что не стерпели налогов от ясачного сбора. "Лжете! - сказал дьяк. - Никаких налогов вам не было, а здесь у чего вам жить! Разве не знаете, что калмыки вам злодеи и отомстят вам?" "Знаем, - отвечали башкирцы, - да делать-то уж нечего, назад ехать не смеем, боимся смертной казни, а калмыков как-нибудь удобрим службою и промыслом, потому что мы знаем не только большие дороги, но и малые все стежки и переправы на больших и малых реках". "Вам бы страшно было об этом и помыслить, - говорил дьяк, - мало того, что изменили, хотите еще приводить калмыков на разоренье наших сел и деревень!" "Из-за чего же нам добро-то мыслить: ведь мы от юрта своего отстали", - сказали башкирцы. "Лучше обратитесь к великому государю, он вас пожалует", -

говорил дьяк. "Обратиться страшно, - отвечали башкирцы, - бежали мы, пограбив государевых людей, а иных и побив до смерти". Дьяк обнадеживал их государскою милостью и попотчевал; следствием было то, что башкирцы обещались подумать и прийти в другое время.

Проживши две недели у Мончака, Горохов стал торопить тайшу, чтобы покончил дело о походе на Крым; тайша отвечал, что надобно прежде покончить дело о башкирских набегах: недавно еще башкирцы отогнали у калмыков 2000 лошадей. Как тут идти на государеву службу? "А зачем было принимать беглых башкирцев? - спросил дьяк. - Выдайте их великому государю". Мончак отвечал с сердцем: "Кто себе лиходея, что станет отпускать от себя людей? Будешь просить башкирцев, и мы ратных людей не пошлем на Крым". Кончилось тем, что Мончак сказал Горохову: "Вели принести от себя из стану вина и питья, хочу я с ближними своими людьми напиться, чтобы сердитые слова запить и впредь их не помнить". Дьяк поспешил исполнить это доброе желание. Сердитых слов действительно после того не было, и калмыки обязались под клятвою идти на Крым; подписывая шертную запись, Мончак говорил: "Как бумага склеена, так бы калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно".

Шертъ была исполнена, война между турецко-татарским и монгольским племенем началась в степях черноморских. Мончак следил за своими врагами, татарами и башкирцами, и доносил в Москву о сношениях их с Крымом. В 1664 году он известил великому государю, что уже шестой или седьмой год, как уфимские башкирцы и казанские татары отправили послов к крымскому хану объявить ему, что они с ним одной веры и прежде были людьми крымских ханов, а теперь, живя с русскими людьми, отстали от своей бусурманской веры: так бы хан принял их к себе и ходил с ними вместе под государевы города. Тайша доносил, что и астраханские татары, и все вообще мусульмане пересылаются с крымским ханом и азовским пашою, промышляют этим союзом тарковский Суркай-шевкал да кабардинские владельцы, мыслят построить город на крымской стороне, на урочище Мажаре, что бывало венгерское городище между Астраханью и Тереком, чтобы не было дороги между этими городами. Для приема татар хан хочет прислать царевичей своих со многими ратными людьми, и стоять им между Черным Яром и Царицыным, чтобы в Астрахань и в другие понизовые города судов с запасами и товарами не пропускать; а суда, в чем им разъезжать по Волге, взялись им промыслить астраханские юртовские татары и ногайцы.

До сих пор мы касались только тех калмыков, которые беспокоили юго-восточную Украину, Уфимскую и Астраханскую сторону, но гораздо больше беспокойства от них было для Сибири. Мы видели, какое обширное пространство земель в Северной Азии занято было русскими людьми в царствование Михаила Феодоровича; малочисленные отряды *согненным боем* легко одолевали рассеянные *роды* туземцев и заставляли их платить ясак. Но в двадцатых годах столетия в южных, степных краях

Западной Сибири явились незваные гости, с которыми нельзя было так легко разделяться, то были именно калмыки. Теснимые с двух сторон монголами и киргиз-кайсаками, они заняли земли у верховьев Иртыша, Ишима и Тобола и спокойно располагались в странах, которые русские считали уже своими. Появление калмыков было тем опаснее, что владычество русских в Сибири далеко еще не было упрочено: туземцы, принужденные только огненным боем платить ясак, искали первого случая, как бы избавиться от этой обязанности, и в степях бродили еще потомки Кучума с притязаниями на отчину и дедину. Калмыков приняли как освободителей и начали громко выражать надежду, что в короткое время о русских не будет слышно в Сибири. Правда, у калмыков не было огненного боя, но они как-нибудь ухитрятся, мечтали туземцы, нападут на русских в сильную бурю, метель, когда нельзя будет стрелять из ружей.

Надежды туземцев не исполнились, люди с лучным боем не могли выжить из Сибири людей с огненным боем, но попытки были делаемы не раз. В 1634 году запылали деревни Тарского и Тюменского уездов, сам город Тара два раза был осажден. Калмыки не могли устоять перед огненным боем, не взяли города, но зато и поиски русских в степи за грабителями не были удачны. Несколько лет сряду не проходило почти ни одной осени, чтобы русские поселенцы не были встревожены вестями о калмыцких замыслах, и крестьяне по Иртышу покидали свои деревни, скрываясь в города и остроги. В сентябре 1651 года запылал новый монастырь, который строил на реке Исети старец Далмат; русские люди, жившие в монастыре, были перебиты или захвачены в плен: это было дело татар, пришедших под предводительством князьков крови Кучумовой. Другие Кучумовичи в 1659 году повели калмыков на Барабинскую степь, пять волостей было разорено, 700 человек уведено в плен. В следующем году новое опустошение Барабы.

Что же делали люди с огненным боем, русские казаки? Они, где могли, истребляли по частям хищников, но надобно заметить, что для защиты всей Барабинской степи город Тара не мог выставить более 60 казаков! В 1662 году возмущение вспыхнуло на реке Исети, изменили башкирцы, черемисы и татары и стали разорять русские слободы: встали и верхотурские вогуличи, крича: "Поднялся на Русь наш царь!" Калмыки, разумеется, были тут. Татары, башкирцы, мордва, черемисы, чувашаи взяли Кунгур, выжгли все русские крестьянские дворы на реке Сылве. Рассказывали, что татары, пововав Кунгур, поставили себе острог и стреляют по-немецки, чинеными ядрами; рассказывали, что все татары - уфимские, пышминские, япанчинские - и верхотурские вогуличи руки подавали царевичам Кучумова рода и хотят идти по рекам Исети и Пышме в уезды Тобольский, Тюменский и Верхотурский, что восстание произошло по уговору с крымским ханом.

В том же году узнали, что между остяками нехорошо: князьки и простые люди часто съезжаются на думу к князьку Ермаку, покупают молодых

людей для принесения в жертву сосвинскому шайтану, а это бывало у них прежде только тогда, когда замышляли изменить. В начале 1663 года схвачен был сосвинский остяк Умба и повинился: приходил к нему из Перми шурин и призывал их всех, березовских остяков, в измену. Березовские остяки ему сказали, что готовы идти с ними вместе на Березов и побить служилых людей, уговорились подняться еще весною 1662 года, по полой воде, но затем не пришли под Березов, что не могли призвать с собою в измену самоедов; но теперь они сговорились с самоедами и со всеми остяками, чердынскими и пелымскими, и порешено идти на Березов весною 1663 года. По указанию Умбы допросили других остяков и открыли обширный заговор: еще в 1661 году остяки снеслись с царевичем Кучумова рода Девлет-Гиреем, положено было летом 1663 года идти под все сибирские города, царевичу прийти под Тобольск с калмыками, татарами и башкирцами; когда возьмут города и перебьют русских людей, царевичу сесть в Тобольске и владеть всею Сибирью, со всех городов брать ясак, а в Березове владеть обдорскому князьку Ермаку Мамрукову да Ивашке Лечманову. Эти претенденты на Березовское княжество были схвачены, привезены в Березов, пытаны, повинились и повешены с 14 другими заводчиками по распоряжению березовского воеводы Давыдова. Тобольский воевода князь Хилков рассердился и написал Давыдову: "Ты учинил не по государеву указу, что березовских лучших остяков перевешал без вины, для своей бездельной корысти, нороя вора, березовским ясачным сборщикам. По государеву указу велено было тебе разведывать в осяках измены и, которые из них объявятся в изменном деле, прислать ко мне в Тобольск, а самому не казнить". Мы не можем решить, во сколько был прав Хилков в своем обвинении на Давыдова; знаем только, что зимою же 1663 года самоеды сожгли Пустозерский острог, воеводу и всех служилых людей побили, а в Мангазее побили ясачных сборщиков и промышленных людей.

Остяки не поднимались, и на юге русские ратные люди, солдаты и рейтары, били башкирцев и товарищей их везде, где только могли встретить; но преследовать разбитых и не давать им снова собираться было невозможно по малочисленности русских отрядов и по обширности пространств. В конце 1663 года башкирцы Уфимского уезда, ногайской и казанской дорог и ицких (по реке Ику) волостей прислали сказать уфимскому воеводе князю Волконскому, что они хотят быть по-прежнему под рукою великого государя в вечном холопстве, только чтобы аманатов их перевели из Казани на Уфу и чтобы воевода прислал к ним какого-нибудь уфимца обнадежить их милостию великого государя. Волконский обнадежил их, что великий государь, милостивый нежелатель кровей их, вины виноватых милостию награждает, если они бьют челом чистыми душами, без всякого лукавства. По этому обнадеживанию башкирцы прислали в Москву выборных, которые в приказе Казанского дворца перед боярином князем Юрием Алексеевичем Долгоруким и перед дьяками дали шерть на коране - от калмыков и ногайцев отстать, возвратиться тою же зимою в Уфимский уезд на прежние свои жилища, служить великому государю верою и

правдою и отдать всех пленников и все пограбленное. По принесении шерти башкирские выборные видели великого государя очи, "аки пресветлое солнце", и получили жалованную грамоту на двух листах, русским и татарским письмом. Уфимский воевода от себя писал башкирцам, что вперед им от уфимцев, служилых и торговых людей, никаких обид не будет и подвод лишних, кроме государевых дел, никто с них не возьмет и в вотчинах их никто ничем владеть не станет.

Волконский писал уфимским башкирцам, чтобы они уговаривали к покорности и башкирцев сибирской и осинской дорог. Но эти уговоры, если они были, не подействовали. В июле 1664 года башкирцы явились под Невьянским острогом (на реке Нейве, впадающей в Туру), сожгли монастырь и соседние деревни. За разбойниками погнались рейтары и солдаты, но за полднице пути от Уфы-реки успели настичь только ничтожный отряд в 20 человек, а большое башкирское войско, послыша за собою ратных людей, разбежалось за Камень (Уральские горы), по лесам и по болотам врознь на переменных конях налегке, а солдатам и рейтарам гоняться за ними было нельзя, потому что лошади их устали и от прежней гоньбы. В следующем году в тех же местах, на притоках реки Туры, явились воровские татары. Но и эти разбойники, как скоро увидели за собою погоню солдат и рейтар, "отопились болотами и речками топкими и ушли, побросав все свое платье, седла, котлы и топоры". Далее на восток большой опасности подвергался украинный город Кузнецк, отрезываемый с северо-запада от русских поселений непокорными телеутами, или белыми калмыками. В 1636 году он выдержал осаду от телеутов, соединившихся с калмыками. Не брала сила - действовали хитростию: так, однажды телеуты пришли под Кузнецк и предложили его жителям обычный торг за городом; те, ничего не подозревая, вышли *на торговище* и были перебиты. Телеутские князьки присягали великому государю, присылали ясак и потом опять восставали, опустошая Кузнецкий уезд вместе с калмыками и так называемыми саянскими татарами. Красноярск еще более терпел от киргизов, чем Кузнецк от телеутов, так что жители не смели показаться за город и просили в Москве, если им не пришлют большего числа ратных людей, то пусть позволят покинуть несчастный город. Все инородцы, жившие около Красноярска и платившие дань, или разбегались, не вынося положения между двумя огнями, или возмущались и били русских людей. Наконец, в последние годы царствования Михаила Феодоровича правительство приняло сильные меры, собраны были служилые люди из разных сибирских городов, и киргизы были сдержаны. Теснимые в свою очередь русскими, требовавшими покорности, дани, киргизы обратились за помощью к калмыкам и монголам. Монгольский хан, или, как его обыкновенно тогда называли, Алтын-хан, дал шерть на подданство царю Михаилу, но для того только, чтобы выманивать богатые подарки; теперь он не прочь был от подания помощи киргизам, но небескорыстно; он хотел также покорить киргизов себе. Киргизы и другие ясачные инородцы - тубинцы, алтырцы, керельцы, населявшие Красноярский уезд, - стали между двух огней. В 1652 году Алтын-хан нагрянул на них, требуя

послушания и ясака. Красноярский воевода послал к нему с угрозою, что идут на него государевы ратные люди из четырех городов с огненным боем. Хан испугался и ушел, не отказываясь, однако, от своих требований относительно инородцев. Но как скоро монголы стали убираться в свои кочевья, к инородцам явились посланцы красноярского воеводы с требованием, чтобы стояли крепко и неподвижно на своей правде, к Алтыну-царю не отъезжали.

Киргизы, тубинцы и все иноземцы вспомнили свою шерть, к Алтыну-царю не поехали; но русские при этом случае с ужасом приметили у них тридцать русских винтовок, пятнадцать пищалей калмыцких, также много пороху и свинцу. На вопрос, откуда они это взяли, инородцы отвечали: "Привозят к нам из Томска всякие люди и меняют на товары". Что всего хуже, посланцы заметили, что инородцы стреляют в цель и убивают не хуже русских людей. "Вперед, - писал красноярский воевода томскому, - от киргизов, тубинцев, алтырцев и керельцев добра ждать нечего, потому что они Алтына-царя боятся и слушают; они говорили моим посланцам: с тех пор как мы на своих землях зачались, ни один монгольский царь, ни царевич, ни монгольские, ни калмыцкие тайши войною не бывали и воинских людей не посылали; а теперь Алтын-царь на нашу землю приходил с 5000 человек! И если вперед Алтын-царь или сын его на нас будут приходить, то нам никак в правде своей не устоять, потому что Алтын-царь живет от нас за Саянским камнем (горами) только днищах в десяти пути. И если, - продолжает воевода, - Алтын-царь или сын его с большим войском придет на государевы украины, то мне не только нельзя послать из Красноярска на выручку государевых иноземцев, но и Красноярска острога убересть нечем, потому что у меня служилых людей только 350 человек, и из тех посылают по разным острожкам на годовые службы за хлебными запасами, в Москву за государевою казною, в ясачные земли для сбора ясака, по вестям в проезжие станицы и на отъезжие караулы, всего посылается с триста человек и больше, в Красноярске остается во все лето только человек 50 и меньше, и у тех оружия нет и у половины, а в государевой казне нет ни одной пищали. От подгородных татар, качинцев, арынцев и ястынцев, которые кочуют под Красноярским, добра ждать нечего, потому что они киргизам и тубинцам в роду и в племени, сами у них женятся и дочерей своих за них выдают и мысль у них с ними одна".

Опасения красноярского воеводы не сбылись, но зато в 1657 году пришла очередь томскому трепетать пред кочевниками. Сын Алтын-хана с 4000 войска напал нечаянно на киргизов, разбил их и заставил покориться себе, после чего царевич направился прямо на татар Томского уезда. Монгольский царевич поступал по примеру предков своих, завоевателей XIII века, всех молодых людей из киргизов и татар набирал в свое войско, которое оттого скоро удвоилось. Он уже заключил договор и с телеутским князьком, чтобы в одно время напасть на Томск, но весть о смерти старика отца заставила царевича возвратиться в свои степи. После того десять лет

было мирно: воровал только изменник-киргизский князец Ереняк, но в 1667 году Красноярск должен был выдержать осаду от калмыцкого тайши Сенги, соединившегося с Ереняком. В калмыцкие улусы отправился из Томска сын боярский спросить тайшу: "Ты ли, Сенга-тайша, своих людей посылал, или они сами собою ходили под Красноярск?" Ответа не было, тайша про здоровье великого государя не спрашивал и царское жалованье, сукна и камки, принял не по достоинству, не честно. Ереняк не переставал рассылать по ясачным волостям стрелы с угрозами, что придет опять войною вместе с калмыками, если ясачные не будут платить своего ясака тайше Сенге. Калмыкам удалось утвердить свою власть над телеутами, но некоторые из последних отъехали в Томск. Сенга требовал их выдачи и очень сердился, когда этого требования не исполняли; он говорил посланцу томского воеводы: "Я у великих государей прошу своих людей, белых калмыков, по многие годы, и великие государи меня не жалуют, моих людей мне не отдают; и если вперед не отдадут, то из Томска ко мне послов не посылали бы, Томск я буду воевать". Томск, Енисейск, Красноярск, Кузнецк были в постоянной тревоге, потому что кроме калмыков и киргизов поднялись тубинцы, алтырцы и особенно телеуты, не дававшие покою Кузнецку. Наконец, в 1674 году томский воевода князь Данила Борятинский получил указ соединить силы четырех городов и смирить войною изменников. Начали с телеутов - "и на всех боях государевых изменников побито было много".

И тобольские воеводы также должны были иметь дело с калмыками, которые прикочевали к реке Ишиму. Воеводы вошли в сношения с тайшею их Дундуком и уговорили его подклониться под высокую руку великого государя. Летом 1674 года к Дундуку поехал стрелецкий голова Аршинский для осмотра земель, занятых калмыками, и для истребования аманатов. Аршинский был встречен очень почетно, и дело шло как нельзя лучше, Дундук уверял в своей преданности великому государю. Уже девять дней прожил Аршинский в улусе, на десятый Дундук прислал звать его к себе: "Посоветуемся, как бы написать к великому государю грамоту покладнее". В то время как подьячий писал грамоту, тайша разговаривал с Аршинским: "Посылаю я двоих своих людей с грамотою к великому государю в Москву; в прошлом году я также посылал человека своего в челобитчиках в Тобольск и в Москву с служилым татаринном Аvezбакеем; этого человека моего из Тобольска в Москву не скоро отпустили, манили со дня на день, а дорогою Аvezбакей говорил ему, что сына моего выучат грамоте и крестят". Сказавши эти слова, Дундук закричал и велел своим калмыкам связать Аршинского и всех бывших при нем русских и ограбить их донага. "Правда моя идет вам от Аvezбакея, - объявил тайша Аршинскому, - впрочем, не бойся, до смерти не побьют". Между тем калмыки стали выючиться и выступили в поход. Русских вели связанных. Перевезшись за Ишим, Дундук велел привести к себе Аршинского и сказал ему: "Взял я у тебя свое имя, а не твое и не твоих товарищей; вы ищите своего добра на Аvezбакее, потому что я дал ему двадцать лошадей и приказывал привезти из Москвы товару, а он ничего не привез и сам ко мне

не приехал". Аршинский с 30 товарищами был отпущен в Тобольск пешком, но калмык смиловался, дал им с полпуда круп на дорогу.

Но в то время как старые русские поселения за Уральскими горами подвергались опасности от восстания туземцев, подкрепляемых калмыками, в то время, когда поднимались против русских людей старые подданные великого государя, башкирцы, черемисы, чувашаи и мордва, - в то время русские люди в далеких пределах Северной Азии неумолимо искали новых земель для поселения, новых народцев, на которых бы можно было наложить ясак, новых торговых путей, и посольства великого государя являются перед Сыном Неба, в Срединной империи.

Утверждение русских людей в Восточной Сибири происходило с такими же ничтожными средствами, как и в Западной, и происходило при недостатке единства в действиях, ибо правительственный надзор по отдаленности был слаб. В конце царствования Михаила Феодоровича русские козацкие пятидесятники, сидевшие с своими козаками в Верхоленском Братском остроге, дрались с бурятами, заставляя их платить ясак великому государю, подкрепляя свои пять десятков небольшими толпами из промышленных и гулящих охочих людей. Но в то же время атаман Колесников, отправленный из Енисейска для проведывания "про Байкал-озеро и про серебряную руду", поставил острог на Ангаре и стал также требовать ясака с бурятов; те не давали на том основании, что они относят ясак в Верхоленский острог, а Колесников, видя в отказе непокорность, стал их воевать и разорять. Буряты взволновались и начали действовать враждебно против русских. "Что это, - говорили они, - от одного государя приходят к нам двойные люди? Одни из Верхоленска берут с нас ясак на государя, а другие от того же государя приходят на нас войною, бьют, жен и детей в плен берут, скот и лошадей отгоняют: как же нам под государевою рукою быть?"

Как бы то ни было, теперь надобно было укрощать возмущившихся бурят силою, огненным боем. Раздраженные буряты не бегали от государевых ратных людей, выходили на бой человек по тысяче и больше, собираясь из многих родов, и отчаянная борьба продолжалась до 1655 года, когда наконец истощенные буряты принуждены были признать владычество пришельцев. Между тем Колесников, виновник бурятского восстания, действовал удачно на Байкале против тунгусов, которые обещали довести его до серебряной руды. В 1647 году Колесников возвратился в Енисейск и представил воеводам ясак, собранный с новых байкальских земель, меха ценою на тысячу рублей; кроме того, Колесников объявил, что посылал четырех из своих козаков с вожами-тунгусами для вестей о серебряной руде. Посланные были в Монгольской земле, где князек Турукой великому государю поклонился, обещаясь быть послушным с 20000 своих подданных; князек сказал, что золотая и серебряная руда подлинно есть и от него близко, у *Богдыцаря* (в Китае), и к нему, князьку, ее привозят; в доказательство он послал великому государю кусочек золота весом в

четыре золотника да чашку и тарелку серебряные. На смену Колесникову пошли из Енисейска к Байкалу другие начальники отряда, другие сборщики ясака. В 1661 году основан был Иркутск.

Из Енисейска шли отряды русских ратных людей для занятия земель и подчинения инородцев по Ангаре, Байкалу, Витиму, Шилке, Селенге; из Якутска шли отряды на север к самому Ледовитому морю, на восток к Охотску, на юг к Амуру. Дикари Северо-Восточной Сибири так же неохотно сносили владычество пришельцев, как и дикари Западной, и восставали при первом удобном случае. В сороковых годах взволновались якуты около Якутска, но были укрощены сильными мерами воеводы Петра Головина. В 1645 году на крайнем севере, на реке Индигирке, встали юкагиры, князек Пелева с товарищами, убили русского служилого человека и выхватили своих аманатов, содержащихся в русском ясачном зимовье. Против них отправились из Якутска служилые люди Горелый и Катаев, погромили Пелеву, взяли новых аманатов. Но в 1650 году изменили алазейские юкагиры, убили двоих служилых людей, государеву казну пограбили, по промыслам торговых и промышленных людей многих побили. Катаев пошел против изменников из Алазейского ясачного зимовья вверх по реке Алазее и наконец отыскал юкагиров: живут в большом острожке человек с 200 больших мужиков, которые луком владеют, кроме подростков, олени все собраны в том же острожке. Русские поставили своих два острожка, один в 40, а другой в 20 сажнях от юкагирского. Началась стрельба с обеих сторон: где юкагиры ранят, там русские бьют до смерти; потом русские сделали шесть щитов, выкатили их и начали приготовляться идти за ними на юкагирский острожек. Дикари испугались, увидели, что им не отсидеться, и начали кричать: "Не убивайте нас, мы дадим аманатов и государев ясак станем платить, а теперь у нас соболей нет, этою осенью мы не промышляли, боялись вас, козаков, жили все в острожке". Русские остановились и взяли в аманаты лучших князьков.

Русские достигли уже и реки Колымы; стоявший на ней сын боярский Власьев в 1649 году отправил служилых и промышленных людей под начальством Никиты Семенова далее к северо-востоку, к верховьям реки Ануя, налагать ясак на непокорных еще инородцев. Они отыскали дикарей, *погромили* их по обычному выражению, и пленники сказали, что за Камнем (за горами) есть новая река Анадыр и подошла она к вершине Ануя близко. Немедленно прибрались охочие промышленные люди и подали Власьеву челобитную отпустить их в те новые места, за ту захребетную реку Анадыр, для прииску вновь ясачных людей и приводу их под царскую высокую руку. Власьев отпустил их под предводительством Семена Моторы. У них явились соперники: служилый человек Стадухин, послыша речи дикарей, начал также собираться на Анадыр. Но еще прежде, летом 1648 года, служилый человек Семен Дежнев отправился из устья Колымы морем для открытия новых земель. "Носило меня, - пишет Дежнев, - по морю после Покрова богородицы всюду неволею и выбросило на берег в передний конец за Анадыр-реку, а было нас на коче всех

двадцать пять человек, и пошли мы все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы, и шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анадыра-реки ровно десять недель, и попали на Анадыр-реку внизу близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет, и с голоду мы, бедные, врознь разбежались. Осталось нас от двадцати пяти человек всего двенадцать человек, и пошли мы в судах вверх по Анадыру-реке и шли до анаульских людей, взяли два человека за боем и ясак с них взяли". Тут Дежнев встретился с Семеном Моторою, который сухим путем достиг Анадыра, и пошли вместе. Но Стадухин идет следом за Дежневым и Моторою и громит тех дикарей, которые уже дали ясак Дежневу. Однажды в виду дикарей, сидевших в своем острожке, произошла любопытная сцена: между Дежневым и Стадухиным началась перебранка. "Ты делаешь негораздо, - говорил Дежнев Стадухину, - побиваешь иноземцев без разбора". "Это люди неясачные, - отвечал тот, - а если они ясачные, то ты ступай к ним, зови их вон из острожка и возьми с них государев ясак". Дежнев начал говорить дикарям, чтобы они выходили без боязни и дали ясак, и один из дикарей стал подавать из юрты соболи. У Стадухина разгорелись глаза на соболи, которые брал Дежнев, он бросился на него, вырвал из рук меха и стал бить по щекам. Дежнев после того почел за лучшее уйти как можно подальше от Стадухина. В 1652 году Дежнев с товарищами вышел из устья Анадыра в море на судах, главный промысел их тут состоял в битве моржей и в сборе моржового зуба. "Зверья вылегает очень много, - пишет Дежнев, - на самом мысу вокруг с морской стороны на полверсты и больше, а в гору сажень на тридцать и на сорок". Дежнев дошел до большого Каменного Носу: "А тот нос вышел в море гораздо далеко, живут на нем люди чукчи, много их очень, а против носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что пронимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных". Но одним моржовым промыслом русские люди не могли заниматься в устье Анадыра, должны были также драться с коряками. "Мы на них ходили, - пишет Дежнев, - и нашли их четырнадцать юрт в крепком острожке; бог нам помог, тех людей разгромили всех, жен и детей у них взяли, но сами они ушли, а лучшие мужики увели и жен с детьми, потому что они люди многие, юрты у них большие, в одной юрте живет семей по десяти; а мы были люди невелики, всех нас было двенадцать человек". По вестям от Дежнева немедленно отправлен был из Якутска стрелецкий сотник утвердить власть великого государя в новой землице и установить порядок в промыслах с соблюдением казенного интереса. Но в то время как прибирали к рукам новые землицы, с трудом удерживали старые вследствие восстания дикарей - на реках Яне и Индигирке. В 1666 году ламуты осадили русский острожек на Индигирке, осажденные отбились, но дикари не платили целый год ясака. В начале следующего года ламуты, "собрав себе воровское великое собранье, приступили ночью к острожку и начали острожные стены, ясачное зимовье и острожные ворота рубить топорами, а иные приставили лестницы к стенам через амбары. Служилые и промышленные люди бой с ними поставили и убили у них лучших трех

человек и многих переранили". Ламуты испугались, побросали свое оружие и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что служилых людей в острожке было только пять человек да промышленных десять, оружия, свинцу и пороху нет, да и взять негде.

Весною 1647 года отряд русских людей под начальством Семена Шелковника явился на реке Улье, впадающей в Охотское море, с устья Ульи морем переплыл к устью Охоты; но Охоту взять надобно им было с большого бою, разбить тунгусов, которых собралось больше 1000 человек. Русские поставили острожек, тунгусы осадили его, но на выручку к осажденным приспел другой русский отряд. На Охоте русским было много дела, потому что дикари уступали только с боя, умея собираться большими толпами. В 1654 году они сожгли Охотский острожек, освободили аманатов и разогнали русских людей, которые объявили, что "жить на Охоте от иноземцев не в силу". Появился новый отряд служилых людей из Якутска, и поднялся новый острожек; поставив его, русские начали наступательное движение на дикарей, взяли их острожек и захватили в аманаты главного заводчика восстаний, Комку Бояшинца; с этих пор тунгусы на Охоте и около Охоты пешие и оленные под государеву руку приклонились. Но в 1665 году опять новое волнение между охотскими тунгусами, пришли в острог ясачные люди, лучший человек Зелемей с товарищами, и извещали начальнику острога Федору Пущину: пришли на Охоту неясачные тунгусы и ясачных людей в шатость призывают, живут от острога в двух днищах пути и дожидаются посылки в Якутск с государевою казною, хотят служилых людей побить. Пушин, чтобы отвратить опасность, отправил 50 человек служилых и промышленных людей звать этих неясачных тунгусов в Охотский острог, велел призывать ласкою и приветом, а не жесточью. Но из этих посланных ни один не остался в живых, и погибли они от того самого Зелемей, который первый известил Пущина об опасности. Возмутился умом Зелемей со всеми ясачными иноземцами разных родов и побил русских тайком, залегши на дороге. Зелемей, говорят, держал такую речь к ясачным тунгусам: "Что вы, глупые люди, не разумеете и русских переводов не знаете, вы бы так же жили, как я, Зелемей, живу; самим вам известно, сколько я русских людей побил, а как над собою увижу какую немеру, то я к русским людям приклонюся, и до меня, в ваших глазах, русские люди лучше прежнего. Да русские люди нас обманывают, говорят нам и ждут к себе в Охотский острог на перемену по вся годы больших людей, и больших людей в острог не бывало; а пока большие люди не пришли, мы и остальных людей выкореним и аманатов своих выручим, а потом, в то время как русские люди на Охоту приходят, на дорогах заляжем и больших людей не пропустим. А как на Охоте русских людей изведем, то истребим всех русских на Мае и по иным рекам; а впредь, для береженья и безопасности, призовем к себе богдойских людей (китайцев), потому что они от нас недалеко; ясак им станем платить небольшой, по своим долям, а не так, как теперь на нас спрашивают ясаков за прошлые годы, о которых мы многие челобитные великим государям писали, но льготы себе никакой не

получили и указу о том никакого не бывало". Опасность для русских была тем больше, что в остроге осталось только 30 человек, старых, малых и *цынжалых* (больных цынгою), аманатов же было 60 человек, острог ветх. Но дело обошлось без большой беды: тунгусы никак не решались напасть на острог, пока там были их аманаты; они старались всякими способами обмануть русских и выманить аманатов, но понапрасну. Пущин велел схватить показавшихся под городом нескольких подозрительных тунгусов для допросу, дикари не дались даром в руки: двое русских было убито, но тунгусов побито пятеро и трое взято в плен; пленники повинились, что приходили служилых людей побить, острог взять и аманатов выручить, ибо видели, что в Охотске козаков мало и острог плох. Пленники были повешены, и Пущин тотчас же велел построить новые укрепления, поставить по стене для страха дикарям деревянные пушки и аманатскую избу выстроить новую. Эти меры произвели желанное действие: тунгусы явились с повинною, извиняясь, что своровали, не стерпя обид от служилых людей.

Прежде Анадыра и Охоты из того же Якутска открыта была великая река Амур.

Еще при царе Михаиле начали носиться слухи, что на реке Шилке сидят многие пахотные хлебные люди и живет князек Лавкай, у которого на устье реки Уры в двух местах серебряная руда: одна в утесе, а другая в воде, да на той же реке Шилке внизу медная и свинцовая руда, а хлеба всякого много. По этим вестям якутский воевода Головин в 1643 году отправил письменного голову Василья Пояркова на реки Зию и Шилку для государева ясачного сбора, для прииску вновь неясачных людей, серебряной, медной и свинцовой руды и для хлеба. С Поярковым отправилось 133 человека. Плыли они из Якутска Леною вниз, потом Алданом вверх и из притоков Алдана волоком в притоки Зии, впадающей в Амур. От устья Зии Поярков поплыл вниз по Амуру, представляя себе, что плывет по Шилке; Амур же, по его словам, начался с устья Шингала. Поярков достиг устья Амура и тут зимовал, а летом пошел на судах морем к устью Ульи-реки, из Ульи волоком переправился в Маю, приток Алдана, которым и Леною возвратился в Якутск, привезши богатый ясак соболями, но потерявши человек 80 из своего отряда: из них 25 человек было убито дучерами на Амуре, другие умерли в дороге от недостатка в пище. Поярков указал якутским воеводам места по Зии и Шилке (т. е. Амуру) и по их притокам, где, по его мнению, надобно было поставить острожки. "Там, - говорил Поярков, - в походы ходить и пашенных хлебных сидячих людей под царскую высокую руку привести можно, и в вечном холопстве укрепить, и ясак с них собирать, в том государю будет многая прибыль, потому что те землицы людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много, и хлеба родится много, и те реки рыбны, и государевым ратным людям хлебной скудости ни в чем не будет".

Вместе с пышными рассказами Пояркова о Пегой Орде (как называли приамурские страны) слышались страшные рассказы спутников его о поведении самого Пояркова во время похода. "Служилых людей он бил и мучил напрасно и, пограбя у них хлебные запасы, из острожка их вон выбил, а велел им идти есть убитых иноземцев, и служилые люди, не желая напрасною смертью помереть, съели многих мертвых иноземцев и служилых людей, которые с голоду померли, приели человек с пятьдесят; иных Поярков своими руками прибил до смерти, приговаривая: "Не дороги они, служилые люди! Десятнику цена десять денег, а рядовому два гроша". Когда он плыл по реке Зие, то жители тамошние его к берегу не припускали, называя русских людей погаными людоедами. Когда весною в устье Амура снег с лугов сошел и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень травной копать и тем кормиться, но Поярков велел своему человеку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запас дорогою ценою".

Как бы то ни было, рассказы Пояркова о богатстве приамурских стран не могли быть забыты: в 1649 году старый *опытовщик* Ярко (Ерофей) Павлович Хабаров подал якутскому воеводе челобитную, объявил, что пойдет на Амур, поведет семьдесят человек служилых и промышленных людей и будет содержать их на свой счет, снабдит деньгами, хлебными запасами, судами, ружьем, зельем и свинцом. Воевода согласился, и Хабаров пошел, только новым путем, рекою Олекмою, притоком Лены, и потом Тугирем, притоком Олекмы, из Тугиря волоком в реку Урку, приток Амура. Здесь были улусы уже известного Лавкая-князя; но улусы пусты и город пуст, а город большой, с пятью башнями, глубокими рвами, подлазами подо все башни и тайниками к водам, в городе светлицы каменные, окна большие, окончины бумажные. Хабаров пошел от реки Урки вниз по Амуру, дошел до другого города, а тот пуст! Пошел дальше вниз по Амуру, стоит третий город, и опять пустой! Хабаров остановился отдохнуть в пустом городе, расставил караулы, и в тот же день караульщики дали знать, что приехало пять человек иноземцев. Хабаров послал толмача спросить: что за люди? Один старик объявил, что он князь Лавкай с двумя братьями, зятем и холопом, и спросил в свою очередь, какие вы люди и откуда пришли? "Мы пришли к вам торговать и привезли подарков много", - отвечал толмач. "Что ты обманываешь! - сказал на это Лавкай. - Мы вас, козаков, знаем; прежде вас был у нас козак Квашнин и сказал про вас, что идет вас пятьсот человек, а за вами идет еще много людей, хотите всех нас побить и имение наше пограбить, жен и детей в полон взять: поэтому мы и разбежались". Хабаров велел толмачу уговаривать Лавкай, чтобы давал ясак великому государю; Лавкаевы братья и зять говорили, что за ясак стоять не за что, но Лавкай сказал, что еще посмотрим, каковы люди? С этим князьки отправились и больше не возвращались. Хабаров пошел за ними, нашел четвертый и пятый город - все пусты. Дальше Хабаров не пошел, возвратился в первый город, оставил тут часть ратных людей, а сам возвратился в Якутск (в мае 1650 года) с донесением, что по славной великой реке Амуру живут даурские

люди, пахотные и скотные, и в той великой реке всякой рыбы много против Волги, по берегам луга великие и пашни, леса темные большие, соболя и всякого зверя много, государю казна будет великая. Хлеб в поле родится, ячмень и овес, просо, горох, гречиха и семя конопляное; если даурские князьки государю покорятся, то прибыль будет большая, в Якутский острог хлеба присылать будет ненадобно, потому что из Лавкаева города с Амура-реки через волок на Тугирь-реку в новый острожек, что поставил он. Хабаров, переходу только со сто верст, а из Тугирского острожка вниз Тугирем, Олекмою и Леною до Якутска *поплаву* только две недели. Даурская земля будет прибыльнее Лены, да и против всей Сибири будет место украшено и изобильно.

Рассказы Хабарова произвели то действие, что около него тотчас же собралось 170 человек охотников, якутский воевода дал ему двадцать козачков, и Хабаров в том же 1650 году отправился на Амур, взяв с собою три пушки. На этот раз он нашел здесь не пустые городки: дауры решились не пускать пришельцев селиться между ними и брать ясак. Не доходя до одного из Лавкаевых городков (Албазина), Хабаров встретил дауров в поле, бился с ними с полудня до вечера, прогнал, но у русских оказалось 20 человек ранеными. Дауры бросили Албазин, который и был занят русскими. Князек Гугудар из тройного городка своего дал отчаянный отпор русским; на требование ясака для великого государя Гугудар отвечал: "Даем мы ясак богдойскому (китайскому) царю, а вам какой ясак у нас? Хотите ясака, что мы бросаем последним своим ребятам?" "И настреляли дауры, - пишет Хабаров, - из города к нам на поле стрел, как нива стоит насеяна. И те свирепые дауры не могли стоять против государственной грозы и нашего бою". Хабаров взял городок, положивши на месте больше 600 неприятелей. Русских было убито четверо да сорок пять ранено. В других местах по всей Сибири русские привыкли к тому, что как скоро попадут им в руки аманаты-родоначальники, князьки, то уже весь род и покоряется, платит ясак. Но у дауров было иначе; Хабарову удалось захватить нечаянно один даурский улус, привести улусников к шерти и взять князей их в аманаты; но скоро ему дали знать, что улусники бегут; Хабаров к аманатам: "Зачем государю изменили и людей своих прочь отослали?" "Мы не отсылали, - был ответ, - мы сидим у вас, а у них своя дума; чем нам всем помереть, так лучше мы помрем за свою землю одни, когда уж к вам в руки попали". Для зимовки Хабаров построил Ачанский городок, в котором был осажден дучерами и ачанцами; русским небольшого труда стоило отразить этих дикарей; но весной 1652 года явился неприятель другого рода: то было манжурское войско, присланное по приказанию наместника китайского богдыхана. Манжуры пришли под Ачанский городок с пушками и винтовками; но русские ратные люди и русские пушки оказались лучше в этой первой встрече. Пусть сам Хабаров расскажет нам про битву: "Марта в 24-й день, на утренней зоре, сверх Амура-реки славная ударила сила из прикрыта на город Ачанский, на нас, козачков, сила богдойская, все люди конные и куячные (панцырные), и наш козачий есаул закричал в город Андрей Иванов служилый человек: братцы-козаки,

ставайте наскоре и оболокайтесь в куюки крепкие! И метались козаки на город в единых рубашках на стену городовую, и мы, козаки, чаяли, из пушек, из оружия бьют козаки из города; ажно бьют из оружия и из пушек по нашему городу козачью войско богдойское. И мы, козаки, с ними, богдойскими людьми, войском их, дрались из-за стены с зори и до схода солнца; и то войско богдойское на юрты козачьи пометалось, и не дадут нам, козакам, в те поры пройти через город, а богдойские люди знаменами стену городовую укрывали, у того нашего города вырубили они три звена стены сверху до земли; и из того их великого войска богдойского кличет князь Исинея царя богдойского и все войско богдойское: не жгите и не рубите козаков, емлите их, козаков, живьем; и толмачи наши те речи князя Исинея услышали и мне, Ярофийку, сказали; и услыша те речи у князя Исинея, оболокали мы, козаки, все на ся куюки, и яз, Ярофейко, и служилые люди и вольные козаки, помолясь Спасу и пречистой владычице нашей Богородице и угоднику Христову Николаю чудотворцу, промеж собою прощались и говорили то слово яз, Ярофейко, и есаул Андрей Иванов, и все наше войско козачье: умрем мы, братцы-козаки, за веру крещеную, и постоим за дом Спаса и пречистые и Николы чудотворца, и порадеем мы, козаки, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси, и помрем мы, козаки, все за один человек против государева недруга, а живы мы, козаки, в руки им, богдойским людям, не дадимся. И в те стены проломные стали скакать те люди Богдоевы, и мы, козаки, прикатили тут на городовое проломное место пушку большую медную, и почали из пушки по богдойскому войску бити и из мелкого оружия учили стрелять из города, и из иных пушек железных бити ж стали по ним, богдойских людях: тут и богдойских людей и силу их всю, божиею милостию и государским счастьем и нашим радением, их, собак, побили многих. И как они, богдои, от того нашего пушечного боя и от пролomu отшатились прочь, и в та пору выходили служилые и вольные охочие козаки, сто пятьдесят шесть человек, в куюках на вылазку богдойским людям за город, а пятьдесят человек осталось в городе, и как мы к ним, богдоям, на вылазку вышли из города, и у них, богдоев, тут под городом приведены были две пушки железные. И божиею милостию и государским счастьем те две пушки мы, козаки, у них, богдойских людей, и у войска отшибли, и у которых у них, богдойских людей, у лучших воитинов огненно оружие было, и тех людей мы побили и оружие у них взяли. И нападе на них, богдоев, страх великий, покажись им сила наша несчетная, и все достальные богдоевы люди от города и от нашего бою побежали врознь. И круг того Ачанского города смекали мы, что побито? Богдоевых людей и силы их шестьсот семьдесят шесть человек наповал, а наши силы козачьи от них легло, от богдоев, десять человек да переранили нас, козаков, на той драке семдесят осм человек".

Хабаров писал поэтическим складом; но думал, как видно, прозаически, рассчитал, что нельзя надеяться, чтобы могущественный богдойский царь позволил козакам распоряжаться в своих владениях, и нельзя надеяться на вторую победу, если под Ачанский город придет богдойское войско более

многочисленное. Еще не прошел месяц после нападения богдойских людей, как уже Хабаров с товарищами плыли вверх по Амуру. Прибрежные жители оказывали прежнее нерасположение, ясак можно было собирать только силою; захваченные в плен туземцы извещали о враждебных замыслах, о новых опасностях. "Наши люди, - объявляли они, - не хотят вам ясаку давать, хотят с вами драться, говорят: где они станут зимовать и город поставят, там мы соберем войска тысяч десять или больше и их давом задавим". На дороге Хабаров встретил отряд козаков, посланный к нему на помощь из Якутска; но этот ничтожный отряд, привезший одну пушку, не давал Хабарову возможности возвратиться вниз, где, по его выражению, вся земля была в скопе, 1 августа на устье реки Зии Хабаров вышел на берег и стал говорить своим козакам: где бы нам город поставить? "Где будет годно и где бы государю прибыль учинить, тут и город станем делать", - был ответ. Но не все так отвечали: человек со сто козаков замыслили другое, "порадели своим зипунам и нажиткам". Они отвалили на трех судах от берега, а на судах была государева казна, пушки, свинец, порох и куяки; одну пушку воры бросили прямо с судна на берег, а другую в воду; часть остальной казны побросали также в воду, часть взяли с собою, захватили неволею с тридцать вольных козаков, но двое из них, не желая плыть с ворами, побросались с судна в воду в одних рубашках. Воры поплыли вниз по Амуру в числе ста тридцати шести человек и начали громить прибрежных иноземцев. С Хабаровым осталось 212 человек; он шесть недель простоял на устье Зии, призывал иноземцев, которых аманаты уже давно были у него в руках; но иноземцы близко не ехали. "Вы все обманываете, - говорили они, - и теперь ваши люди поплыли вниз и нашу землю громят". Хабаров послал четверых казаков в Якутск донести тамошним воеводам, что воры государевой службе поруху учинили, иноверцев отогнали и землю смяли; что с оставшимися у него людьми землею овладеть нельзя, потому что земля многолюдная и бой огненный, и сойти с Амура без государева указа не смеет.

Ответ пришел не ранее 1653 года. На Амур приехал дворянин Зиновьев с государевым жалованьем, золотыми Хабарову и его товарищам. Хабаров, сдавши ясак Зиновьеву, отправился вместе с ним в Москву, а "приказным человеком великой реки Амура новой Даурской земли" оставлен Онуфрий Степанов. Степанов принял начальство неохотно, потому что последние похождения Хабарова не могли представить ему будущее на Амуре в привлекательном виде. В сентябре, посоветовавшись с войском, поплыл он вниз по Амуру, потому что наверху ни хлеба, ни лесу не было. Хлеб был найден на берегах реки Шингала (приток Амура с юга), откуда Степанов поплыл далее вниз по Амуру и зимовал в стране дучеров, собирая с них ясак. Летом 1654 года он опять отправился в Шингал за хлебом и бежал три дня вверх по реке благополучно, но 6 июня встретил богдойскую большую силу ратную со всяким огненным стройным боем, конную и струговую. Несмотря на пушечную пальбу богдойцев по русским судам, казаки выбили неприятеля из стругов на берег; но на берегу богдойцы

стали в крепком месте и начали драться из-за валов. Русские приступили было к этим укреплениям, но были отбиты и принуждены были без хлеба выплывать на Амур и бежать вверх по великой реке. Пленники рассказали печальные вести: богдойский царь послал 3000 войска, велел ему три года стоять на устье Шингала в Амур, не пускать русских людей. По Амуру хлеба достать было негде, потому что тот же богдойский царь запретил прибрежным иноземцам сеять хлеб и велел всем им переселиться поближе к себе, на реку Наун, берущую исток к югу от Амура.

Уйдя из Шингала, Степанов укрепился на устье реки Камары (впадающей в Амур с юга); но 13 марта 1655 года 10000 богдойского войска явилось под острожком и начали пускать огненные заряды на стрелах, чтоб зажечь острожек, а 24 марта пошли на приступ со всех четырех сторон, везли телеги, на телегах щиты деревянные, обитые кожею, везли лестницы, на одном конце которых были колеса, а на другом гвозди железные и палки, везли дрова, смолу, солому, багры железные и всякие приступные мудрости, но приступ был отбит, и приступные мудрости попались в руки козакам. После этой неудачи богдойцы оставались под острожком до 4 апреля, били по нем из пушек день и ночь, но, видя, что ничего сделать нельзя, ушли.

Это поражение китайского войска под Камарским острожком очистило Степанову Амур и Шингал, куда он опять стал пробираться за хлебом; но в 1656 году пришел указ богдойского царя - свести всех дучеров с Амура и Шингала; Степанов пришел было за ясаком и за хлебом - и не нашел никого и ничего! "Теперь, - писал Степанов в Якутск, - все в войске оголодали и оскудали, питаемся травою и кореньем и ждем государева указа".

Сильные препятствия, встреченные русскими людьми со стороны богдойских людей, заставляли попытаться, нельзя ли войти в мирные сношения с могущественным царем богдойским. В 1654 году в первый раз отправлен был из Тобольска в Китай сын боярский Федор Байков для присматривания в торгах и товарах и в прочих тамошних поведениях. От реки Иртыша, от впадения в нее Белых вод до Китайского царства шел Байков калмыками и монголами, все меж камня (гор), землю, которая кормом и водою скудна. Китайскою землею до первого китайского города, Кококотана, шел два месяца. Между монгольскими тайшами простои бывали дней по десяти, недели по две, по три и по месяцу для кормов и безводных мест. От первого города, Кококотана, до заставного города Капки ходу 12 дней; между этими городами живут мугальские тайши кочевые, служат китайскому царю. Из Капки посол пошел к царю в город Канбалык (Пекин) на своих лошадях и верблюдах, корму и подвод не дали, шел семь дней и на этой дороге видел 18 городов, города кирпичные, а иные глиняные, через реки поделаны мосты из дикого камня очень затейливо. Канбалыка Байков достиг только в марте 1656 года, В полверсте от города посла встретили двое царских ближних людей и потчивали чаем,

вареным с маслом и молоком; посол отказался пить, потому что был Великий пост. "По крайней мере возьми чашку", - сказали ближние люди: посол взял чашку и, подержав, отдал назад. Посла поставили в доме, в котором было всего две комнаты, потом перевели в другой, более обширный. На другой день приехали царицы ближние люди и сказали, что царь Богда велел взять у него подарки, присланные ему государем. "Везде такой обычай, - сказал Байков, - что посол сам подает государю любительную грамоту и потом уже подарки". "У вашего государя такой чин, а у нашего свой, - отвечали ближние люди. - Царь царю ни в чем не указывает" - и взяли силою подарки. Через день после этого ближние люди прислали сказать послу, чтобы с царскою грамотою ехал к ним в приказ. Байков отказал: "Прислан я к царю Богде, а не к приказным ближним людям". "Царь тебя велит казнить за то, что ты его указа не слушаешь", - велели сказать ближние люди. "Хотя бы царь велел по составам меня рознять, а все же в приказ не пойду и государевой грамоты вам не отдам", - отвечал Байков. В знак царского гнева за это упрямство послу возвратили подарки, и этим все дело кончилось; Байков возвратился только с рассказами об удивительной стране, впервые виденной русским человеком.

Видя, что посольство принято нелюбовно, царь не делал второй попытки. Враждебные действия со стороны китайцев не прекращались: в 1658 году, 30 июня, китайское войско на сорока семи бусах напало на Онуфрия Степанова, плывшего по Амуру ниже Шингала; русские потерпели совершенное поражение: Степанов погиб вместе с двумястами семидесятью козаками, двести двадцать семь человек спаслось берегом и на одном судне, но государева ясачная соболиная казна досталась в руки китайцам. Козачьи походы на Амур из Якутска кончились несчастно; но еще задолго до гибели Степанова сделано было распоряжение укрепиться на Шилке и в верхних частях Амура и оттуда уже действовать по возможности далее вниз по великой реке. С этою целью енисейский воевода Афанасий Пашков возобновил покинутые городки: Нерчинск при устье реки Нерчи в Шилку и Албазин на Амуре. И здесь не обошлось без столкновений с китайцами: албазинские козаки стали брать ясак с народцев, которых богдыхан считал своими подданными, и некоторые из иноземцев, недовольные китайцами, переходили в русское подданство. В 1667 году пришел из китайских владений в Нерчинск под государеву высокую руку тунгусский князек Гантемир с детьми, и братьями, и улусными людьми, всего сорок человек, обещаясь платить ясак по три соболя с человека; Гантемир ушел с досады, что проиграл тяжбу по несправедливости китайского, суда. Правитель китайский, живший на Шингале, проведал, куда ушел Гантемир, и в 1670 году прислал грамоту нерчинскому воеводе Аршинскому: "Вы бы послали к нам послов своих, чтобы нам переговорить с очей на очи, и с которого мужика брать ясак по соболю или по два, за это нам с великим государем ссориться не для чего. Но вы подумайте: кто платит великому государю ясак и сбежит, то разве вы не ищите его по десяти, по двадцати и по сту лет?" Аршинский отправил четырех козаков прямо в Пекин к богдыхану с предложением

беспрепятственной торговли между обоими государствами и союза. Козаки возвратились в Нерчинск очень довольные приемом и привезли грамоту богдыханову к царю: "Были мои промышленные люди на Шилке-реке и, возвратясь, сказали мне: по Шилке, в Албазине, живут русские люди и воюют наших украинских людей. Я, богдыхан, хотел послать на русских людей войною; и мне сказали, что там живут твои, великого государя, люди, и я воевать не велел, а послал проведать, впрямь ли в Нерчинском остроге живут твои, великого государя, люди? Воевода нерчинский по твоему указу присылал ко мне послов и письмо, и я теперь узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему, великого государя, указу. И впредь бы наших украинских земель не воевали и худа никакого не делали, а что на этом слове положено, станем жить в миру и в радости". Эта грамота дала повод к новому посольству из Москвы в Пекин.

В начале 1675 года отправился в Китай послом переводчик Посольского приказа грек Николай Гаврилович Спафари, который выбрал другую дорогу, чем Байков, ехал на Енисейск и Нерчинск, и только 15 мая 1676 года добрался до царствующего града Пежина (Пекина). И Спафари было объявлено, что богдыхан Канхи (второй из манжурской династии) царской грамоты у него не примет. "Какие гордые обычаи, против права всех народов! - говорил Спафари китайцам. - Это чудо. все удивляются, отчего у вас так началось, что послов перед хана берут, а грамоты государской не берут?" Ему объяснили начало обычая: "В старых годах из некоторого государства был у нас посол, даров с собою привез очень много и словесно объявил всякую дружбу и любовь. Наш богдыхан, обрадовавшись, тотчас велел посла и с грамотою взять перед себя; но как начали читать грамоту, оказалось в ней большое бесчестье богдыхану, да и сам посол начал говорить непристойные речи. С тех пор постановлено: брать прежде грамоту у посла и прочитывать, и, смотря по грамоте, богдыхан принимает посла или не принимает. Этого обычая и сам хан переставить не может; только из дружбы к царскому величеству велел он, не по обычаю, взять у тебя грамоту двум ближним людям, а чтобы тебя самого принять с грамотою, об этом и не думай!" Спафари отвечал, что не отдаст грамоты в приказе.

После этого разговора приехали к Спафари два мандарина и привезли с собою старца католика, иезуитского чину, именем Фердинанд Вербияст, родом из испанских Нидерландов. Иезуит был переводчиком, потому что Спафари умел говорить по-латыни. После новых долгих споров о приеме грамоты Спафари продиктовал иезуиту по-латыни список царской грамоты, чтобы китайцы знали, что в ней нет ничего бесчестного для их богдыхана. Иезуит между прочим говорил посланнику: "Рад я царскому величеству для христианской веры служить и о всяких делах радевать; только жаль мне, что от такого славного государя пришло посольство, а китайцы - варвары и никакому послу чести не дают; подарки, которые присылаются к ним от других государей, называют и пишут данью и в грамотах своих

отвечают, будто господин к слуге; говорят, что все люди на свете видят одним глазом и только они, китайцы, двумя". Иезуит заклинал Спафари пред образом, чтобы этих речей никому не говорил и не писал, пока не выедет из Китая, потому что иностранцы многие нужды здесь терпят для Христа и теперь в подозрении; обещал прислать посланнику латинскую книгу, где описаны обычаи китайские и прием послов.

Список с грамоты не помог: мандарины объявили, что поверят только подлинной грамоте и печати, когда их увидят в своих руках: "Как на голове волосы выросли и стала седина, то их переменить нельзя: так и обычая нашего переменить нельзя; примут грамоту два ближних человека, которые у богдыхана, как два плеча в теле, а богдыхан голова". Пограничный воевода, сносившийся с Нерчинском, говорил Спафари: "В прошлых годах, как был здесь Байков, в то время ходили козаки по Амуру и наших людей разорили; мы говорили Байкову: ты ходишь с посольством, а козаки воюют! Байков нам отвечал, что козаки - воры и воюют без царского указа, и этих воров войско богдыханово всех побил. После того подданный богдыхана тунгус Гантемир с своими людьми убежал в Нерчинск. Тогда богдыхан приказал мне, чтобы я взял 6000 войска и 10 пушек и шел бы в поход на воров и на Гантемира. Я пошел с войском, но наперед отпустил к Гантемиру даурского мужика проведать, к каким людям тот ушел? Но Гантемир схватил мужика и отвел к нерчинскому воеводе. Тот вместе с Гантемиром сказал мужику, что они не воры, а люди великого государя, Белого царя, и по указу его сделали две крепости в Нерчинске и Албазине, что великий государь желает жить в дружбе и любви с богдыхановым величеством и чтоб торг между обоими государствами производился. Этот даурский мужик встретил меня, когда я был с войском за два дни пути от Нерчинска. Услыхав, что в Нерчинске не воры, а Белого царя люди и отпустили моего человека назад с дружбою, я доложил богдыхану, что лучше с такими людьми поступать дружески, нежели войною; богдыхан велел мне послать в Нерчинск и взять оттуда служилых людей, потому что хотел писать грамоту к царскому величеству для подлинного проведывания. Кроме того, все, кто был здесь из России с торгом после Байкова, Сеиткул, Тарутин и другие, говорили, что с ними есть государевы грамоты, а после, как пустили их в Китай, и с ними никаких грамот не оказалось. Они нас обманули, а потому и тебе теперь не верим, не видя подлинной государевой грамоты". Воевода утверждал, что богдыхану и не докладывали о нарушении старого обычая, чтобы он принял из рук посланника грамоту: так обычай этот свят; а иезуит уверял, что воевода лжет, богдыхану уже трижды докладывали, и он велел приискивать в старых книгах, не было ли подобного примера? Богдыхан не прочь от того, чтобы принять грамоту; но ближние люди упорно отстаивают старый обычай, боясь, что окрестные государи станут говорить, что сделали это из страха пред русским государем. Сверх того, и списку грамоты не верят, потому что они в грамоте своей к царю писали с повелением, как господин к меньшому, и боятся, чтобы не было за то угроз в царской грамоте. Чтоб

не подать подозрения, иезуит говорил это, смотря на чертеж, как будто бы читал вслух.

Во все это время стояли страшные жары; половина служилых людей, приехавших с посланником, были больны от жаров и от дурной воды; ворота посольского дома были заперты, и никого за них не пускали, съестное караульщики продавали тройною ценою.

Наконец приступили к сделкам и согласились, что посланник привезет грамоты не в приказ, а во дворец, где заседают в думе ближние люди, положит грамоты на богдыханское место, и двое ближних людей понесут их немедленно к богдыхану. После этой церемонии посланник был на поклоне у богдыхана. Спафари кланялся скоро и не до земли; мандарины говорили ему, чтобы кланялся до земли и не скоро, как они кланялись. "Вы холопы богдыхановы, - отвечал посланник, - и умеете кланяться; а мы богдыхану не холопы, кланяемся, как знаем". После тройных поклонов мандарины сказали Спафари, чтобы шел скоро к богдыхану, ибо у них такой обычай: когда хан зовет, то они идут бегом. "Мне бежать не за обычай", - отвечал посланник и шел потихоньку. Пришедши перед богдыхана, Спафари поклонился один раз в землю и сел на подушку; от богдыханского места до места, где сидел посланник, было сажень с 8. Ханское место вышиною от земли с сажень, осьмиугольное, деревянное, позолоченное, вход на него тремя позолоченными же лестницами. Богдыхан - человек молодой, лицом *шедроват*, говорили, что ему 23 года. В палате по обеим сторонам, на земле, на белых войлоках сидели братья и племянники богдыхана. Когда посланник пришел, начали разносить чай родным богдыхана и всем ближним людям, разносили в больших желтых деревянных чашках, чай был татарский, а не китайский, варенный с маслом и молоком, музыка играла умильно, и человек что-то громко кричал. После чаю музыка и крики прекратились, все встали, богдыхан сошел с своего места и отправился в задние палаты.

Спафари был очень оскорблен тем, что Сын Неба не обратил на него никакого внимания; вельможи утешали посланника тем, что со временем он в другой раз увидит богдыхана, который тогда вступит с ним в разговор. Действительно, спустя долгое время русское посольство снова было позвано во дворец. Поклонившись десять раз, посланник и свита его уселись на подушках против богдыхана; явились два иезуита и стали на колени; богдыхан говорил им потихоньку; когда кончил, иезуиты подошли к посланнику, велели ему стать на колени и сказали: "Великий самодержец всего Китайского государства хан спрашивает: великий государь, всея России самодержец, Белый царь в добром ли здоровье?" Спафари отвечал: "Как мы поехали от великого государя, то оставили его в добром здравии и счастливом государствовании; и желает великий государь богдыханову величеству также долголетнего здравия и благополучного государствования, как наилюбезнейшему соседу и другу". Опять иезуиты-толмачи отправились к престолу и возвратились с новыми вопросами:

"Богдыханово величество предлагает три вопроса: царское величество скольких лет, какого возраста и сколь давно начал царствовать?" "Великий государь, - отвечал Спафари, - лет пятидесяти, возраста совершенного и преукрашен всякими добродетелями, как царствовать начал, тому больше тридцати лет". Следовали вопросы о самом посланнике: "Сколько тебе лет? Слышал богдыхан, что ты человек ученый, и велел спросить, учился ли ты философии, математике и тригонометрию?" Богдыхан спрашивал об этом потому, что сам учился у иезуитов тригонометрию и звездословию. После этих расспросов принесли столы со сладостями: яблоки персидские и *комфети* разные, арбузы, дыни; потом принесли вино виноградное, самое доброе, вроде доброго ренского, делают его иезуиты для богдыхана каждый год; вином угощали только посланника и его свиту, а вельможи китайские пили чай.

Все лето прожил Спафари в Пекине. Посланник и его свита привезли много товаров, казенных и своих, для продажи и мены на товары китайские; но торговля шла плохо: камки, атласы и бархаты продавались в одной лавке, в других лавках русским ничего не продавали, потому что вельможи, толмачи и купцы сговорились, по какой цене покупать русские товары и по какой продавать свои. В конце лета начали толковать об отпуске: Спафари требовал, чтобы ему дали на латинском языке список с богдыхановой грамоты к государю, дабы знать, нет ли в ней какого жестокого слова, и объявил, что без грамоты не поедет. На это ему объявили следующие китайские обычаи: 1) всякий посол, приходящий к нам в Китай, должен говорить такие речи, что пришел он от нижнего и смиренного места и восходит к высокому престолу; 2) подарки, привезенные к богдыхану от какого бы то ни было государя, называем мы в докладе данью; 3) подарки, посылаемые богдыханом другим государям, называются жалованьем за службу; те же самые выражения употребляет богдыхан и в грамотах своих к другим государям. "Ты не дивись, что у нас обычай такой, - говорили вельможи посланнику, - как один бог на небе, так один бог наш земной, богдыхан, стоит он среди земли, в середине между всеми государями, эта честь никогда у нас не была и никогда не будет изменена. Доложи царскому величеству словесно три дела: 1) чтобы выдал Гантемира; 2) если вперед пришлет сюда посланника, то чтобы наказал ему ни в чем не сопротивляться, что ему ни прикажем; 3) чтобы запретил своим людям, живущим на рубежах наших, обижать наших людей. Если царское величество эти три статьи исполнит, то и богдыхан исполнит его желания, в противном случае чтобы никто от вас, из России и из порубежных мест, к нам, в Китай, с торгом и ни с какими делами не приходил".

С этим Спафари и был отправлен, без грамоты богдыхановой, ибо не согласился видеть в ней оскорбительные для чести царской выражения, предложенные китайцами. Посланник вывез о последних самые невыгодные понятия: "В торгу таких лукавых людей на всем свете нет, и нигде не найдешь таких воров: если не побережешься, то и пуговицы у платья обрежут, мошенников пропасть!" Иезуиты, недовольные богдыханом

Канхи, жаловались на его непостоянство, неспособность к правлению, в печальном виде представляли положение Китая, обуреваемого мятежами. Вообще иезуиты были очень откровенны и ласковы с русским посланником; между прочим они просили у него в свою церковь иконы для вечного воспоминания. "А мы, - говорили иезуиты, - станем молить бога за царское величество, потому что приходящие в Китай русские люди всегда ходят к нам в костел; но, не видя русской иконы, не верят нам, думают, что мы идолопоклонники, а не католики". Спафари дал им икону Михаила Архангела в серебряном вызолоченном окладе и два подсвечника пред икону.

Посольство Спафари в Китай было одним из последних дел знаменитого тридцатилетнего царствования Алексея Михайловича. Издание Уложения, присоединение Малороссии, подвиги русских людей в Северной Азии, расширение дипломатических сношений от Западного океана до Восточного, от Мадрида до Пекина, Никоново дело, раскол, Разинское и Соловецкое возмущения - вот крупные явления, которые должны оправдать употребленное нами выражение *знаменитое* царствование. Но знаменитость была дорого куплена; Алексей Михайлович получил от отца тяжелое наследство. Царствование Михаила Феодоровича с первого взгляда является временем успокоения Московского государства от смут внутренних и войн внешних; козачи не вооружались более против государства, с Польшею и Швециею заключен был *вечный* мир. Но тишина была перед бурей. Привычки, приобретенные низшими частями городского народонаселения в Смутное время, далеко не искоренились в царствование Михаила. Козачи принуждены были оставить пределы государства, царики, ими выставляемые, самозванцы отыграли свою роль; но козачество нисколько не было ослаблено у себя в степях, продолжало пользоваться сочувствием украинского народонаселения, сохранять связь с ним: стоило только запереться выходу в море из Дона и явиться предприимчивому вождю, как оно опрокидывалось на государство, увлекая за собою массы низшего народонаселения. Варварские народцы в областях прежних царств - Казанского, Астраханского и Сибирского - также ждали первого случая, чтоб восстать против русского царства, и не переставали поддерживать связи с Крымом и Турциею, все ожидая, что господство мусульманства восстановится на берегах Волги. Даже бедные жители тундр Северной Сибири не теряли надежды восстановить свою независимость под знаменами туземных вождей. *Вечные* миры с Польшею и Швециею были тяжки; нельзя было забыть о Смоленске: честь новой династии требовала возвращения русских областей, уступленных начальником династии. Но разумеется, преемник Михаила мог отдалить войну на неопределенное время, собраться с силами. Обстоятельства не дали возможности откладывать: еще царю Михаилу предложено было взять Малороссию под свою высокую руку для избавления ее от латинского гонения; козачьи движения не прекращались и происходили под знаменем веры и русской народности. Сыну Михаилу повторено было

предложение принять Малороссию, но с угрозой в случае несогласия поддаться туркам. Война с Польшею оказалась неизбежною.

Какие же средства имел царь Алексей для этой западной войны, которая уже три раза оканчивалась несчастьем? Мы видели, что во второй половине XVI века силы Московского государства, победоносного на востоке, покорившего там себе целые царства, оказались несостоятельными при столкновении с западом. Воплем отчаяния, что у государства нет средств содержать войско, необходимое для отпора страшным врагам, воплем отчаяния оканчивается царствование Иоанна IV, и таким же воплем начинается царствование преемника его. Этот вопль имел следствием закрепление крестьян за служилыми людьми, - распоряжение, которое всего лучше показывало, что Московское государство XVI и XVII века в экономическом отношении находилось в таком же состоянии, в каком западноевропейские государства находились в начале средних веков, или в каком находились американские колонии, принужденные по недостатку рабочих рук покупать черных невольников. Но чем яснее сознавалось печальное экономическое состояние Московского государства, чем печальнее были меры, которые правительство должно было принимать, чтобы как-нибудь извернуться для удовлетворения первой потребности государства, потребности внешней защиты, тем сильнее должно было становиться стремление правительства к сближению с богатыми и сильными государствами западноевропейскими, к перенятию от них того, что делало их богатыми и сильными: поэтому неудивительно, что тот же Годунов, который закрепил крестьян, известен своею любовью к иностранцам и обычаям их. После Смутного времени новая династия, находясь в тех же самых условиях, необходимо усваивает себе предания, оставленные прежними государями. При царе Михаиле Москва наполняется иностранцами, которым даются привилегии для учреждения разных промышленных предприятий: иноземные люди толпами набираются в русскую службу, подле старинной дворянской конницы и стрелецкой пехоты учреждается новое войско по иностранному образцу, с иностранными названиями - рейтары, драгуны, солдаты. Но для найма иностранцев, для содержания нового войска нужны деньги, а денег нет: торговые люди бедны, им не стянуть с иноземцами, которые забирают русскую торговлю в свои руки; платящие сословия обременены податями, вследствие чего избывание от податей совершается в обширных размерах, целые местности пустеют, подати всю свою тяжесть падают на оставшихся, а тут еще надобно кормить воевод и приказных людей. В таком состоянии принял царство Алексей Михайлович!

Неудовольствие платящих сословий, высказывавшееся при царе Михаиле сильно, но законно, при молодом Алексее выказалось московским бунтом 1648 года, когда получилась возможность обвинить в народных бедствиях не царя, но боярина-правителя. Соборное уложение, прекращение закладничества как средства избывать податей, уничтожение привилегий купцов иностранных служили для утишения неудовольствия; бунт,

замышляемый закладчиками, лишившимися своего выгодного положения, не удался; Сольвычегодск и Устюг опоздали с своими бунтами, еще более опоздали Новгород и Псков; но все же это было тяжелое время для правительства и народа; а между тем в то самое время, когда Москва пылала бунтом и пожаром, на юге Хмельницкий торжествовал над польскими гетманами и поднимал Украину. Хмельницкий присылал в Москву с просьбою принять его в подданство, когда царь не знал, как утишить мятежи Новгорода и Пскова. Мятежи утихли от уединения, как утихает пожар, когда около горящего здания нет других, которые бы могли заняться; но через два года надобно было начать войну с Польшею. Бедное государство истощило свои средства, чтобы приготовиться к войне, и сначала успех оправдал пожертвования; но скоро за тем язва, шведская война, малороссийские волнения, на востоке поднимаются варварские народцы. Казна истощена вконец, ратные люди бегут от голоду и холоду; попробовали прибегнуть к кредиту, но медные деньги упали в цене и московская чернь опять подняла бунт. Андрусовское перемирие прекратило бедствия тринадцатилетней войны; но надолго ли успокоилось государство? В 1667 году заключено Андрусовское перемирие и в 1667 же году поднимается Разин, а в 1668-м поднимается Брюховецкий, в малороссийских городах козаки режут московских воевод и ратных людей, а на севере вспыхивает Соловецкое возмущение. В 1671 году задавлен был Разинский бунт, а в 1672-м турки взяли Каменец и держали Москву в постоянной тревоге до конца царствования. После этого мы не будем удивляться медленности, нерешительности правительственных распоряжений относительно движения войск, малочисленности последних, их дурного состояния, вследствие которого большая цифра была только на бумаге, а не на деле; надобно удивляться, как бедное государство могло выдержать такой ряд ударов, ряд войн?

Действительно, иностранцы удивлялись, как могло Московское государство так скоро оправляться после поражений, подобных конотопскому, чудновскому? Дело объяснялось сосредоточенностью власти, единством, правильностью, непрерывностью в распоряжениях. Медлили, уклонялись от исполнения, не умели что-нибудь исполнить; но жалоба на эту медленность, уклонение и неумение шла в Москву, и отсюда повторялся указ великого государя *однолично* сделать *не измотчав*; отвечали, что негде взять чего-нибудь: шел указ искать там и там; опять медлили - шел указ с угрозою опалы и жестокого наказания, и дело наконец делалось. Начали строить корабль, ничего не приготовивши; мы видели, как строили; но выстроили же!

При этом, однако, не должно забыть и счастливой случайности. Мы видели, что в царствование Алексея Михайловича Московское государство было поражаемо рядом ударов, один за другим следовавших. Но это-то и важно, что удары следовали один за другим: бунты новгородский и псковской произошли через год после московского, когда в столице все уже было тихо и совершены были важные перемены, успокоившие

народонаселение центральных областей, следовательно, правительство имело возможность сосредоточить свое внимание на северо-западе. Разин поднялся, когда была окончена война с Польшею; он поднялся в 1669 году; в следующем году поднялся Брюховецкий; но Разин в это время ушел на Каспийское море, дал Москве досуг устроить малороссийские дела и поднял второй бунт, когда уже в Малороссии было все спокойно, когда, следовательно, большая часть военных сил могла быть двинута на восток. Турки начали грозить, когда уже все было кончено с восточным козачеством.

Но какие бы ни были благоприятные обстоятельства, давшие Московскому государству возможность устоять при тяжких испытаниях, посланных ему во второй половине XVII века, эти испытания, следовавшие так быстро одно за другим, могли разрушительно действовать и на природу более твердую, чем какая была у царя Алексея Михайловича. К бедствиям государственным для Алексея Михайловича присоединялись еще огорчения семейные. От первого брака, на Марье Ильиничне Милославской, царь имел шесть дочерей и пять сыновей; но все сыновья отличались болезненностью; двое царевичей - Димитрий и Алексей - умерли при жизни отца и матери; в марте 1669 года умерла царица Марья Ильинична; за нею в том же году последовал третий царевич, Симеон. 22 января 1672 года Алексей Михайлович женился в другой раз, на Наталье Кирилловне Нарышкиной, воспитаннице думного дворянина Артамона Сергеевича Матвеева. В продолжение нашего рассказа мы часто встречались с Матвеевым, одним из самых приближенных людей к царю. Недостаточность источников неофициальных, именно записок (мемуаров), не дает нам возможности объяснить, каким образом дьячий сын Матвеев мог приблизиться к царю и сделаться его другом. Если можно догадываться, то, по всем вероятностям, это сближение произошло посредством Морозова. Матвеев, подобно Ордину-Нащокину, Ртищеву и другим видным лицам царствования Алексея Михайловича, отличался любовью к новизнам иностранным: дом его был убран по-европейски, картинами, часами; жена его не жила затворницею, сын получил европейское образование; из дворовых людей своих Матвеев составил труппу актеров, которые тешили великого государя театральными представлениями. Но, смотря, подобно Нащокину, на Запад, Матвеев, однако, резко отличался поведением своим от Афанасья Лаврентьевича. Последний, как мы видели, шел быстро, не остерегаясь задевать по дороге своей кого бы то ни было, перессорился с знатью и преждевременно принужден был оставить служебное поприще. Матвеев находился в близких отношениях к царю, но не выставлялся, долго, очень долго носил незавидное звание полковника и головы московских стрельцов, вообще не ссорился с знатью, и если впоследствии, как увидим, низвержен был в царствование преемника Алексея, то низвержен был не вельможными людьми, которые, по крайней мере самая значительная часть, являются приверженцами царицы Натальи Кирилловны, следовательно, и Матвеева. Уже к концу царствования Алексея Матвеев сделался начальником двух

важнейших приказов - Малороссийского и Посольского - в скромном звании думного дворянина. Только в 1672 году, по случаю рождения царевича Петра, Матвеев был пожалован в окольничие вместе с отцом царицы Кириллом Полуехтовичем Нарышкиным; в октябре 1674-го, по случаю крестин царевны Феодоры, Матвеев пожалован в бояре.

1 сентября 1674 года (в тогдашний новый год) государь *объявил* старшего сына своего, тринадцатилетнего царевича Феодора: на Красной площади, на *действе* оказывали государя царевича всему Московскому государству и иноземцам. После действия царевич поздравлял отца и патриарха с новым годом и говорил речь; после Феодора говорил речь царю, царевичу и патриарху боярин князь Юрий Алексеевич Долгорукий. В тот же день смотрели царевича в Архангельском соборе иноземцы: сыновья гетмана Самойловича и посланник литовский. Государь посылал к ним боярина Хитрово объявить царевича и сказать: "Вы видели сами государя царевича пресветлые очи и какого он возраста: так пишите об этом в свои государства нарочно". В 1676 году, с 29-го на 30-е число января, с субботы на воскресенье, в 4-м часу ночи. скончался царь Алексей Михайлович, на 47-м году от рождения, благословив на царство старшего сына. Феодора. Кроме Феодора от первого брака оставался царевич Иоанн, от второго - Петр и дочери: от первого брака Евдокия, Марфа, Софья, Екатерина и Марья, от второго - Наталья и Феодора. Да еще были живы сестры царя Алексея - Ирина, Анна и Татьяна Михайловны.

В самом начале рассказа о деятельности царя Алексея мы заметили сходство его природы с природою отцовскою, заметили и различие. В продолжение тридцатилетней царственной деятельности это сходство и это различие выяснились. Бесспорно, Алексей Михайлович представлял самое привлекательное явление, когда-либо виденное на престоле царей московских. Иностранцы, знававшие Алексея, не могли высвободиться из-под очарования его мягкой, человеческой, благодушной природы. Эти черты характера выставлялись еще резче, привлекали тем большее внимание и сочувствие при тогдашней темной обстановке. "Изумительно, - говорили иностранцы, - что при неограниченной власти над народом, привыкшим к совершенному рабству, он не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь". Простое, патриархальное обхождение русского самодержца с подданными тем более должно было поражать иностранцев, что в Западной Европе оно уже исчезало: там был век Людовика XIV! Особенную мягкость, особенную привлекательность природе Алексея, поступкам его сообщала глубокая религиозность, которая проникала все его существо. Но, напоминая отца мягкостию природы, Алексей, с другой стороны, напоминал знаменитого сына своего живостию, восприимчивостию, страстностию, был очень вспыльчив, и когда человек, возбудивший гнев его, был к нему близок, то, по тогдашнему обычаю, Алексей справлялся с ним собственноручно, *смирал*, и это, как мы видели, не считалось посягновением на честь; цесарский посол Майерберг, который так восхищается характером царя Алексея Михайловича,

описывает следующие случаи. Когда узнали в Москве о поражении Хованского и Нащокина в 1661 году, царь созвал Думу и спрашивал, что делать? какими средствами отбиться от страшного врага? Начинает говорить тесть царский, боярин Илья Данилович Милославский: "Если государь пожалует, даст мне начальство над войском, то я скоро приведу польского короля пленником". Ничто так не раздражало царя Алексея, как хвастовство и самонадеянность; он вышел из себя: "Как ты смеешь, страдник, худой человечиска, хвастаться своим искусством в деле ратном? Когда ты ходил с полками? Какие победы показал над неприятелем? Или ты смеешься надо мною?" Словами дело не кончилось: гневный царь дал пощечину старому тестю, надрал ему бороду, выгнал его пинками из комнаты и захлопнул двери. Другой случай: великий государь отворил себе кровь и, почувствовав облегчение, предложил сделать то же и придворным. Все волею-неволею согласились, кроме родственника царского по матери, Родиона Стрешнева, который отказался под предлогом старости. Алексей Михайлович вспылил: "Разве твоя кровь дороже моей? Что ты считаешь себя лучше всех?" И тут дело не кончилось словами; но когда гнев прошел, к Стрешневу пошли из дворца богатые подарки, чтобы позабыл побои. Когда провинялся кто-нибудь из знатных воевод, Алексей Михайлович также выходил из себя и писал к провинившемуся длинное гневное послание; но тон этих посланий постоянно умеряется тем, что царь старается выставить на вид виновному его грех перед богом, его ответственность пред царем царей; гневный, грозящий царь исчезает, виден человек, взволнованный проступком, его следствиями и старающийся представить всю важность их преступнику; в гневных выражениях слышится сочувствие человека к человеку. Так, в 1668 году он посылает стряпчего Головкина спросить боярина князя Григория Семеновича Куракина: "Зачем он по указу великого государя не пошел под Нежин и под Чернигов? Как он не умилился над людьми божиими и государевыми, которые при конце живота сидят? Как ему за них на Страшном суде ответ дать? Как он, боярин, забыл спасителя нашего, Иисуса Христа, чудодейственную его силу, даровавшую победу ради слез его и усердия? Почто вознесся? Что ж возношение его? Послушал плутов и разговорщиков малоумных, которые о себе впредь добра не мыслят: почто под Глуховом стал? Не токмо стоять, и заходить непристойно, разве письмо, что писать в город о сдаче. А иттить было прямо к Нежину и Чернигов очищать да воевать; а что писал он, что, не промысля над Глуховом, иттить нельзя, и то помышление высокое и богу гневное и мерзкое: се уже свое надеяние, а не божие учало быть и надеяться на силу свою и на счастье; а те нежинцы и черниговцы воздыхают на него: государь пожаловал их, выручил, а пропадут они от него, боярина. Бог на нем взыщет их. Лучше слезами и усердием и низостью пред богом промысл чинить; по-прежнему, как начал, так бы и совершил, а не силою и славою. В великое подивление великому государю, что, получа такую славу от господ бога своими слезами, он, боярин и воевода, да теряет сам у себя. Лучше то, что возьмет город Глухов и многая кровь прольется, а

страдальцы в Нежине и Чернигове безгодно и томною смертью напрасно погинут, а притчею не промыслит, что будет? то будет: первое - бога прогневает: надеялся на славную силу, хотел взять город, и кровь напрасно многую прольет; второе - людей потеряет и страх на людей наведет и торопость; третье - от великого государя гнев примет; четвертое - от людей стыд и сором, что даром людей потерял; пятое - славу и честь, на свете богом дарованную, непристойным делом и стоянием под Глуховом неблагополучно отгонит от себя и вместо славы укоризны всякие и неудобные переговоры восприимет. И то все писано к нему, боярину, хотя добра святой и восточной церкви и чтобы дело божие и его, государево, совершалось в добром полководстве, а его, боярина, жалуя и хотя ему чести и жалея его старости".

Еще сильнее обратился Алексей Михайлович в письме к князю Гр. Гр. Ромодановскому: "Врагу креста Христова и новому Ахитофелу князь Григорью Ромодановскому: воздаст тебе господь бог за твою к нам, в. государю, прямую сатанинскую службу, яко же Дафану, и Авирону, и Анании, и Сапфире: они клялись духу св. во лжу, а ты божие повеление и наш указ конечно исправил, яко же и Июда продал Христа на хлебе, а ты божие повеление и наш указ и милость продал же лжею. Велено было тебе отпустить к стольнику Семену Змееву в полк наших ратных людей для божия и нашего скорого дела, и ты приказал послать их таково стройно и крепко и всякою нашею милостью утверждаючи, что, пять верст отошедши, пришли к тебе в полк, и ты не токмо не отослал их по прежнему нашему указу, куда им идти велено, и с собою их взял, прельщаючи их нашим большим жалованьем и обещаючи тайно отпускать их по домам для своей треклятые корысти. И ты дело божие и наше, государево, потерял, потеряет тебя самого господь бог и жена, и детки твои узрят такие же слезы, как и те плачут сироты, напрасно побитые; и сам ты, треокаянный и бесславный ненавистник рода христианского, для того что людей не послал, и наш верный изменник и самого истинного сатаны сын и друг диаволов, впадешь в бездну преисподнюю, из нее же никто не возвращался. Воспомяни, окаянный, кем взыскан? от кого пожалован? на кого надеешься? где деться? куда бежать? кого не слушаешь? пред кем лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дела его теряешь! Ведаешь ли бесконечною муку у него, кто лестью его почитает и кто пред государем своим лукавыми делами дни свои провожает и указы переменяет и их не страшится. В конец ведаем, завистниче и верный наш непослушниче, как то дело ухищренным и злопронырливым умыслом учинил: а товарища твоего, дурака и худого князишка, пытать велим, а страдника Климку велим повесить. Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди свои на востоке, и на западе, и на юге, и на севере вправду; и мы божии дела и наши, государевы, на всех странах полагаем, смотря по человеку, а не всех стран дела тебе одному, ненавистнику, делать, для того: невозможно естеству человеческому на все страны делать, один бес на все страны мещется. Писаны к тебе и посыланы наши, государевы, грамоты с милостивым словом такие, каких и к

господам твоим не бывало; и ты тем вознесся и показал упрямство бусурманское. И буде ты желаешь впредь от бога милости и благословения и не похочешь идти в бездну без покаяния и в нашем государевом жалованье быть по-прежнему: и тебе б, оставя всякое упрямство, учинить по сему нашему указу, послать к стольнику Змееву тотчас полк рейтар да полк драгунов, дав им денежное жалованье".

В том же роде письмо к саввинскому казначею Никите (1652 года). В Саввине монастыре оставлены были стрельцы, 18 человек, которым архимандрит велел стоять на конюшенном дворе. Сюда к ним пришел казначей Никита, подпивши, и спросил: по какому указу вы здесь стоите? Услыхав, что по архимандричьему, он зашиб десятника посохом в голову, оружие, седла и зипуны стрелецкие велел выметать вон за двор. Царь послал Алексея Мусина-Пушкина сыскать про дело, а сам написал казначею: "От царя и в. князя Алексея Михайловича всея Руси врагу божию, и богоненавистцу, и христопродавцу, и разорителю чюдотворцова дому, и единомысленнику сатанину врагу проклятому ненадобному шпыню и злому пронырливому злодею казначею Миките. Уподобился ты сребролюбцу Иуде: яко же он продал Христа на тридесять сребрениц, и ты променил, проклятой враг, чюдотворцов дом да и мои грешные слова на свое умное и збоиливое пьянство и на умные на глубокие пронырливые вражьи мысли; сам сатана в тебя, врага божия, вселился; кто тебя, сиротину, спрашивал над домом чюдотворцовым да и надо мною, грешным, властвовать? Кто тебе сию власть мимо архиморита дал, что тебе без его ведома стрельцов и мужиков моих, Михайловских, бить? Воспомани евангельское слово: всяк высокосердечный нечист пред богом. О враже проклятый! за что денница с небесе свергнута? не за гордость ли? Бог не пощадил. Да ты жа, сатанин угодник, пишешь друзьям своим и вычитаешь бесчестье свое вражье, что стрельцы у твоей кельи стоят: и дорого добре, что у тебя, скота, стрельцы стоят! Лутче тебя и честнее тебя и у митрополитов стоят стрельцы, по нашему указу, которой владыко тем жа путем ходит, что и ты, окаянной. И дороги ль мне твои грозы? Ведаешь ли ты, что, опричь бога и матери его, владыч. нашей пресв. богородицы, и света очию моею чюдотворца Савы, и не имею, опричь той радости, никакой и надежды; то моя радость, то мое и веселье и сила и на брани против врагов моих, и не твои мне грозы, и своего брата, государя, и те грозы яко поучину (т. е. паутину) вменяю, потому: господь - просвещение мое и спаситель мой - кого убоюся? Да за помощию пресв. богородицы и за молитвою чюдотворца Савы ничье грозы не страшны. Ведай себе то, окаянной: тот боитца гроз, которой надежю держит на отца своего сатану, и держит ее тайно, чтоб никто ее не познал, а перед людьми добр и верен показывает себя. Да и то себе ведай, сатанин ангел, что одному тебе и отцу твоему, диаволу, годна и дорога твоя здешняя честь, а содетелю нашему, творцу небу и земли и свету, моему чюдотворцу, конешно, грубны твои высокопроклятые и гордостные и вымышленные твои тайные дела: ей, не ложно евангельское речение: не может раб двема господинома работати, а мне, грешному, здешняя честь аки прах, и дороги ль мы пред богом с

тобою и дороги ль наши высокосердечные мысли, доколе бога не боимся, доколе отвращаемся, доколе не всею душою и не всем сердцем заповеди его творим, ведаешь ты, окаянной, сам твори заповеди божия с небрежением, проклят и горе нам с тобою и нашему збоиливому и лукавому сердцу и злой нашей и лукавой мысли, и люто нам будет в день ярости господа Саваофа, не пособят нам тогда наши збоиливые и лукавые дела и мысли, ведай себе и то, лукавый враг, как ты возмутил ныне чюдотворцевым домом да и моею грешною душою: ей, до слез стало, чюдотворец видит, что во мгле хожу от твоего збоиливого сатанина ума, возмутит тебя и самово бог и чюдотворец. Ведай себе то, что буду сам у чюдотворца милости просить и оборони на тебя со слезами, не от радости буду на тебя жаловатца, чем было тебе милости просить у бога и у пречистой богородицы и у чюдотворца и со мною прощатца в грамотках своих, и ты вычитаешь бесчестие свое, и я тебе за твое роптание спесивое учиню то, чего ты век над собою такова позору не видал. Ты променил сие место чюдотворцево на свое премудрое и лукавое и на пьяное сердце и на проклятые мысли, а меня, грешного, тебе не диво не послушать здесь, потому что и святое место продаешь на свой злой нрав, а на оном веще рассудит бог нас с тобою, а опричь мне того, нечем с тобою боронитца; да и то тебе возвещаю, аще не чистым сердцем покаешися к чюдотворцу и со мною смирился в злых своих роптаниих, ведай, что без проказы не будешь, яко Наман утаился от Елисея пророка, так и тебе тожа будет аще едину мысль утаиши у чюдотворца да по сем буди богом нашим, И. Х., и преч. его мат. и чюдотв. Савою и мною, грешным, буди прогнан и изриновен и отлучен со всяким бесчестием и бесстудием от сего места святого и чюдотворца дому. И прочетчи сию грамоту и велите взять его пред всем собором яко врага божия и чюдотворцева дому со всяким бесчестием стрелцом, и велите положить на него чепь на шею, а на ноги железа, и велите Алексею ево свесть переж себя стрелцом на конюшенной двор".

И это письмо, подобно приведенному нами прежде письму к Никону в Соловецкой монастырь, вводит лучше всего в мир тогдашних патриархальных отношений. Пьяный казначей Никита прибил десятника стрелецкого; царь велит наложить ему цепь на шею и железа на ноги; но между тем, оскорбленный письмами Никиты, в которых тот позволил себе какие-то угрозы, выходит из себя и пишет к Никите, не скрывая тревожного состояния своего духа, зовет его на суд божий, грозит наказанием свыше, пишет, что он, царь, никого не боится, потому что господь - просвещение его и спаситель, за помощь богородицы и за молитвою чюдотворца Саввы ничьи грозы ему не страшны. В пылу гнева царь сдерживается религиозностию, которая заставляет его признать над собою и над Никитою высший суд, уравнивать себя с ним; царь пишет, что будет просить у чюдотворца обороны на Никиту, который так возмутил его душою, что до слез стало, во мгле ходит. Религиозность красила патриархальные отношения, сообщая им иногда необыкновенную умиленность и вместе величие: таково известное нам письмо нижнеломовского воеводы Пекина воеводе Хитрово: "В Нижнем Ломове

козаки знатно что изменили: поминай меня, убогого да и великому государю извести, чтоб указал в сенодик написать с женою и детьми". Великий государь был именно способен понимать и исполнять такие просьбы.

Всего лучше прекрасная природа царя Алексея высказывалась в письмах утешительных к близким людям. Мы уже привели в своем месте письмо его к Ордину-Нащокину по случаю бегства сына его; в этом письме царь силою именно природы своей высоко поднялся над веком. В таком же роде и письмо к князю Ник. Ив. Одоевскому по поводу смерти сына его: "Да будет тебе ведомо, судьбами всесильного и всеблагото бога нашего и страшным его повелением изволил он, свет, взять сына твоего, первенца, князя Михаила, с великою милостию в небесные обители; а лежал огневою три недели безо дву дней; а разболелся при мне, и тот день был я у тебя в Вешнякове, а он здоров был; потчивал меня, да рад таков, я его такова радостна николи не видал; да лошадыю он да князь Федор челом ударили, и я молвил им: по то ль я приезжал к вам, что грабить вас? И он плачучи да говорит мне: мне-де, государь, тебя не видать здесь; возьми-де, государь, для ради Христа, обрадуй, батюшка, и нас, нам же и до века такова гостя не видать. И я, видя их нелестное прошение и радость несуменую, взял жеребца темно-сера. Не лошадь дорога мне, всего путчи их нелицемерная служба, и послушанье, и радость их ко мне, что они радовалися мне всем сердцем. Да жалуючи тебя и их, везде был, и в конюшнях, всего смотрел, во всех жилищах был, и кушал у них в хоромех, и после кушания поехал я к Покровскому тешиться в роци в Карачаровские; он со мною здоров был и приехал того дни к ночи в Покровское. Да жаловал их обоих вином романею, и подачами и корками, и ели у меня, и как отошло вечернее кушанье, а он стал из-за стола и почал стонать головою, голова-де безмерно болит, и почал бити челом, чтоб к Москве отпустить для головной болезни, да и пошел домой, да той ночи хотел сесть в сани да ехать к Москве поутру, а болезнь та ево почала разжигать да и объявилася огневая. И тебе, боярину нашему и слуге, и детям твоим через меру не скорбеть, а нельзя, что не поскорбеть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да в меру, чтоб бога наипаче не прогневать, и уподобитца б тебе Иеву праведному. Тот от врага нашего общего, диавола, пострадал, сколько на него напастей приводил? Не претерпел ли он, и одолел он диавола; не опять ли ему дал бог сыны и дщери? А за что? - за то, что ни во устнах не погрешил; не оскорбился, что мертвы быша дети ево. А твоего сына бог взял, а не враг полатою подавил. Ведаешь ты и сам, бог все на лутчие нам строит, а взял его в добром покаянии... Не оскорбляйся, бог сыну твоему помощник; радуйся, что лучшее взял, и не оскорбляйся зело, надейся на бога и на его рождшую, и на его всех святых. Потом, аще бог изволит, и мы тебя не покинем и с детьми и, помня твое челобитье, их жаловали и впредь рад жаловать сына его, князь Юрья, а отца рад поминать. А князь Федора я пожаловал, от печали утешил, а на вынос и на всепогребальная я послал, сколько бог изволил, потому что впрямь узнал и проведал про вас, что, опричь бога на небеси, а на земли опричь меня, никоу у вас нет; и я рад их

и вас жаловать, только ты, князь Никита, помни Божию милость, а наше жалование. Как живова его жаловал, так и поминать рад... А прежде того мы жаловали к тебе, писали, как жить мне, государю, и вам, бояром; и тебе, боярину нашему, уповать на бога и на пречистую его мать, и на всех святых, и на нас, великого государя, быть надежным, аще бо изволит, то мы вас не покинем, мы тебе и с детьми и со внучаты по бозе родители, аще пребудете в заповедех господних и всем беспомощным и бедным по бозе помощники. На то нас бог и поставил, чтобы беспомощным помогать. И тебе бы учинить против сей нашей милостивые грамоты одноконечно послушать с радостию, то и наша милость к вам безотступно будет". Под исподом грамоты еще написано: "Князь Никита Иванович! не оскорбляйся, токмо уповай на бога и на нас будь надежен".

Но в письмах же царя Алексея патриархальные отношения являются без прикрас, во всем своем непригожестве; так, в письме к стольнику Матюшкину царь пишет: "Извещаю тебе, не то тем утешаюся, не то стольников беспрестанно купаю ежеутрь в пруде, Иордань хорошо сделана, человека по четыре и по пяти и по 12 человек, за то: кто не поспеет к моему смотру, так того и купаю, да после купанья жалую, зову их ежеден, у меня купальщики те едят вдоволь, а иные говорят: мы-де нароком не поспеем, так-де и нас выкупают да и за стол посадят; многие нароком не попевают".

Наружность царя Алексея, как описывают ее иностранцы-очевидцы, много объясняет нам его характер; с кроткими чертами лица, белый, краснощекий, темно-русый, с красивою бородою, крепкого телосложения; но между тем преждевременная толщина, особенно живота, одряхляла его, несмотря на деятельную жизнь: рано вставал он к утренней службе, иногда ночи проводил в горячих молитвах, ревностно занимался делами, ездил часто на охоту, которую любил страстно, не пропускал храмовых праздников в монастырских и приходских церквах. У него достало настолько энергии, чтобы решиться отказаться от отцовской жизни, покинуть московский дворец и выступить в поход. Сохранилось предание, что походы в Белоруссию и Литву развили Алексея, внушили ему более самоуверенности и переменили отношения его к окружающим: он сделался самостоятельнее. Но энергия, как видно, поддерживалась успехом; когда успехи кончились, то мы уже не видим более Алексея в челе войск. Замеченное отолстение было ли следствием или причиною прекращения этой деятельности - решить трудно. Иностранцы-современники говорят о прекрасных дарованиях Алексея и жалеют, что эти дарования не развиты были наукою. Морозов мог только сочувствовать образованию, жалеть, что в молодости его не учили. Алексей прочел, как видно, все, что только можно было тогда прочесть на славянском и русском языках. Но сильно возбужденная духовная деятельность обнаруживалась в страсти писать. Сколько собственноручных писем, обыкновенно довольно длинных, записок, заметок сохранилось после него! Алексей предпринял описание походов своих: сохранилось несколько собственноручно поправленных им

экземпляров (чернений, как тогда называли) описания выступления войск из Москвы, отпуска воевод, речей, говоренных по этому случаю. Вероятно, моровая язва и последующие военные неудачи остановили дело. Наконец, царь Алексей пробовал писать и стихами. Таково письмо к князю Григ. Григ. Ромодановскому: "Повеление всеильного и великого и бессмертного и милостивого царя царем и государя государем и всех всяких сил повелителя господа нашего Иисуса Христа. Писах сие письмо все многогрешный царь Алексей рукою своею.

Рабе божии дерзай о имени божии // И уповай всем сердцем подаст бог победу // И любовь и совет великой имей с Брюховецким // А себя и людей божиих и наших береги крепко // От всяких обманов и льстивых дел и свой разум // Крепко в твердости держи и рассматривай // Ратные дела великою осторожностью // Чтоб писари Захарки с товарищи чево не учинили // Также как Юраско над боярином нашим // И воеводою над Васильем Шереметевым также и над боярином // Нашим и воеводою князь Иваном Хованским Огинской князь // Учинил и имай крепко опасенье и Аргусовы очи по всяк час // Беспрестанно в осторожности пребывай и смотри на все // Четыре страны и в сердца своем великое пред богом смирение и низость имей // А не возношение как нехто ваш брат говаривал не родился де такой // Промышленник кому бы ево одолеть с войском и бог за превозношение его совсем предал в плен".

По природе своей, слишком мягкой, Алексей Михайлович не мог не уступить большого влияния окружающим его людям; он был вспыльчив, но не выдержлив. Излишняя доверчивость к людям недостойным, власть, им уступленная, проистекали от слабости характера, а не от недостатка понимания людей. Так, например, он хорошо видел, кто такой был тесть его Милославский, и в минуту вспышки не щадил его; но наложить на него опалу - значило огорчить самое близкое к себе существо, жену, которую он так любил, а это было уже выше сил царя Алексея. Так было и в отношении к другим лицам, тесно связанным между собою, крепко державшимся друг за друга: наложить опалу на одного - и столько явится вдруг недовольных, печальных лиц, а эти лица, по обычаю, с утра до вечера толпятся во дворце, избавиться от них нельзя, и вот доброй душе целый день тягость невыносимая, и Алексей Михайлович уступает. Этим объясняются и странные отношения его к Никону. Никон не мог быть, подобно врагам своим, ближним боярам и окольным, беспрестанно во дворце и по этому самому проигрывал. Хитрость - дитя слабости, и Алексей Михайлович хитрит в деле Никона: он соглашается с боярами, что патриарх зашел далеко, что с ним жить нельзя, и в то же время старается внушить Никону о своем доброжелательстве к нему, оправить себя в глазах гневного патриарха; таким образом, добрый Алексей Михайлович унижался до стремления угодить обеим сторонам, тогда как более решительными и самостоятельными действиями мог уладить дело; без сомнения, главная причина падения Никона заключалась в характере царя: более твердый характер последнего сдержал бы собинного приятеля в

должных пределах и первая брань предотвратила бы печальные следствия последней; Алексей Михайлович погубил своего собинного приятеля именно неспособностью своею к первой брани; слабость государей имеет иногда те же следствия, как и тиранство.

Но мягкость природы царя Алексея Михайловича несколько не уменьшала значения власти великого государя. Алексей Михайлович имел такое же возвышенное понятие о своих правах, как и Иоанн IV: "Бог благословил и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере вправду". Те же самые отношения, какие мы видели при царе Михаиле, были в силе и теперь. В народных движениях, которыми так богато царствование Алексея Михайловича и в которых нельзя не видеть отрывки Смутного времени после необходимого отдыха при Михаиле, - в народных движениях высказались резко те же отношения большинства к стоявшему наверху меньшинству; массы восставали против бояр, выставляя единство своих интересов с интересами царя. Меньшинству оставалось робко искать защиты у подножия престола. Так, привязанности царской обязан был своим спасением самый видный из бояр, Морозов. Преследуя свою ненавистию Морозова, большинство оказывало особенное расположение боярам: Никите Ивановичу Романову, дяде царскому, и князю Якову Куденетовичу Черкасскому, зная или предполагая в них врагов Морозову. Но оба эти лица не обладали честолюбием, которое бы заставило их воспользоваться народным расположением. Никита Иванович является на сцену во время народного восстания против Морозова и Милославского, и тут старается он утишить народ; потом, во время Псковского бунта, отводит сам к царю псковских посланцев; наконец, об этом лице сохранилось известие, что он был охотник до иноземных обычаев, одел своих людей в ливрею по иностранному образцу; Никон, которому не нравилась эта новизна, придумал средство избавить дядю царского от греха: попросил у него ливрею, как будто бы для образца, желая сам одеть таким же образом своих служек, но, когда доверчивый боярин прислал ему платье, патриарх велел изрезать его в куски. Мы несколько не ручаемся за верность этого известия в подробностях, по любовь боярина Никиты к иностранным новизнам подтверждается тем, что у него был бот, который впоследствии так занял молодого внука его, царя Петра Алексеевича, и послужил началом флота. Разумеется, желалось бы знать больше об этом подстрекающем любопытстве лице: по отсутствию известий доказывает или недостаток у него личных средств играть роль более видную, или то, что ему нарочно загораживали дорогу, а сам боярин был так осторожен, что не пробивался чрез полагаемые ему преграды. Что же касается до князя Якова Куденетовича Черкасского, то недостаток личных средств оказался явно впоследствии - во время польской войны.

При царе Алексее было 16 знатнейших фамилий, члены которых поступали прямо в бояре, минуя чин окольничего: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские,

Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы и Урусовы. Из Черкасских кроме Якова Куденетовича был известен князь Григорий Сенчулеевич; но об нем говорят, что это был дикарь, искавший случая показать телесную силу, опытный наездник, умевший укрощать коней, которыми были наполнены его обширные конюшни, более сострадательный к животным, чем к людям. Представителем знаменитого рода Воротынских был князь Иван Алексеевич, человек ничтожный. Фамилия Трубецких после князя Алексея Никитича не имела достойного представителя; и Алексей Никитич после Конотога потерял славу "в воинстве счастливого и недругам страшного". Из Голицыных знаменитый впоследствии князь Василий Васильевич только еще начинал свое поприще: о князе Алексее Андреевиче говорили, что он, чем счастливее, тем скромнее. Но если представитель Голицыных не отличался патрикеевским духом, то дух этот перешел к представителю другой патрикеевской линии, князю Хованскому, знаменитому Ивану Андреевичу: мы видели любопытную борьбу его с Ординым-Нащокиным, в котором гордый потомок Гедимины видел худородного временщика, сильного только расположением царским, вроде Малюты Скуратова. Но сам Хованский, о предках которого не слыхать было в старину, не имел связей и не пользовался хорошою славою относительно своих способностей, так что царь Алексей Михайлович мог говорить ему: "Я тебя взыскал и выбрал на службу, а то тебя всяк называл дураком". Отзывы и своих и чужих согласно описывают нам Хованского человеком с патрикеевским высокоумием, заносчивым, не умеющим сдержаться, непостоянным. Ордин-Нащокин называет Хованского человеком непостоянным и слушающимся чужих внушений; это отзыв врага; но вот Майерберг говорит, что Хованский славился в целом свете своими поражениями, проигрывал битвы по своей опрометчивости, по неумению соразмерять свои силы с силами неприятельскими: царь Алексей Михайлович свидетельствует, что всяк называл его дураком, а народ дает ему прозвание Тараруя. Сохранилось известие о безнравственном поведении его во Пскове; сохранилось также известие о произвольных и жестоких поступках его с людьми ратными. Из Морозовской фамилии знаменитый воспитатель царя был последним историческим лицом. Шереметевы личными достоинствами поддерживали значение своей фамилии; мы часто встречались с деятельностью двоих киевских воевод, Василья Борисовича, так несчастно окончившеюся, и Петра Васильевича; о последнем сохранился отзыв как о человеке с большими способностями, но самохвале, чрезвычайно жадном к военной славе, невыносимо гордом и высокомерном. Хвалят блестящие военные доблести Василья Васильевича Шереметева, но прибавляют, что само правительство не давало достойного поприща этому вельможе, заславши его воеводою в несчастную область, которой избегают все бояре. Часто встречались мы с представителем фамилии Одоевских, князем Никитою Ивановичем; хвалят его мягкость, которою он резко отличался от своих собратий. Мы видели его не раз великим уполномоченным послом, но трудно подметить в нем что-либо

иное, кроме точного исполнителя наказа; сам царь отозвался об нем в письме Долгорукому: "Чаю, что князь Никита тебя подбил, и его было слушать напрасно: ведаешь сам, какой он промышленник! Послушаешь, как про него поют на Москве". Фамилия была небогатая; царь, пославши денег на погребение князя Михаила Никитича, писал отцу его: "Впрямь я узнал и проведал про вас, что, опричь бога на небеси, а на земли опричь меня, никоу у вас нет". Из Пронских известен князь Иван Петрович; ему поручено было важное дело воспитания царевича Алексея Алексеевича, но говорят, что выбор был неудачный. Из Шеиных никто не был на виду. Из Салтыковых мы видели боярина Петра Михайловича начальником Малороссийского приказа; говорят, что он был ровесник царя и очень любим им; Петра Михайловича хвалят за редкое благоразумие и непоколебимую верность. Из Репниных мы видим вначале любимца царя Михаила, князя Бориса Александровича, которого обвиняют в жестокости; о сыне его, князе Иване Борисовиче, встречаем такой отзыв: он считается осторожным, благоразумным, но подозревают, что скрывает отцовские пороки под личиною добродетелей. Нам теперь трудно решить - эти неблагоприятные отзывы порождены ли завистью врагов, нажитых князем Борисом при Михаиле, или вражда порождена действительно непривлекательным характером Репнина? Умственные способности князя Ив. Семеновича Прозоровского являются не в очень выгодном свете во время переговоров с шведами, когда знатный боярин занимал только первое место, а на деле первым был Ордин-Нащокин. О князе Ив. Андреевиче Хилкове сохранилось известие, что он не брал взятки, но был страшно вспыльчив.

Некоторые из членов этих шестнадцати первостепенных фамилий были люди даровитые; но, кроме стариков Морозова и Трубецкого, а из молодых одного Салтыкова, мы не видим никого в приближении, имеющим важное влияние на дела. Из фамилий древних, но второстепенных пробивали себе дорогу к первым местам Долгорукие в особе знаменитого воеводы князя Юрия Алексеевича. Об нем встречаем неблагоприятный отзыв иностранца, что он хотел казаться Фабием, но похож был на Катилину: отзыв голословный, а потому мы не имеем права на нем успокоиваться; мы знаем военные заслуги Долгорукого; другие же его действия так мало известны, что мы решительно не имеем средств определить степень его сходства с Катилиною. На военном же поприще чаще всего встречались мы с князем Григорием Григорьевичем Ромодановским. Одна отрасль князей Стародубских - знаменитые Пожарские - сходит со сцены, другая, Ромодановские, остается и сильно поднимается. Князь Григорий, как говорят, отличался свирепостию характера и телесною силою, был больше солдат, чем вождь; превосходил всех военною пылкостию, неутомимою деятельностью, быстротою и львиным мужеством; в Малороссии, как мы видели, он приобрел расположение жителей. О других Ромодановских, князьях Василии Григорьевиче и Юрии Ивановиче, встречаем только дурные отзывы. В военной истории царствования Алексея Михайловича, особенно в истории Разинского бунта, обозначились имена князей

Борятинских: князю Юрию принадлежит честь первого и последнего поражения страшного вора; но мы встречались также с свидетельствами и о дурных поступках самого Борятинского. Нередко встречается в военных известиях имя боярина и воеводы князя Григория Семеновича Куракина: об нем отзываются как о характере незначительном, и мы не имеем возможности опровергнуть этого отзыва. О другом Куракине, князе Фед. Феодоровиче, говорят, что выбор его в воспитатели царевичу Феодору Алексеевичу был выбор неудачный.

Наконец, переходим к самым близким людям: Милославским, Стрешневу, Хитрово. Все свидетельства единогласно говорят о способностях Милославских, как знаменитого боярина Ильи, тестя царского, так и родственников его, Ивана Михайловича и Ивана Богдановича; но ни в одном из них умственным способностям не соответствовали нравственные достоинства. В Иване Богдановиче, известном нам защитой Симбирска от Разина, указывают даже обширные познания, но соединенные с хитростью. Любопытно, что сохранилось известие (впрочем, иностранное) о Богдане Матвеевиче Хитрово как человеке кротком, приветливом, неутомимом ходатае за несчастных, не затыкающем ушей от просителей, особенно иностранных. Последние слова могут дать нам разгадку такого лестного отзыва о человеке, которого мы знаем преимущественно по распоряжению с патриаршим сыном боярским; но как бы пристрастен ни был этот отзыв, все же мы должны заключить, что Хитрово в известных случаях, с известными людьми мог являться кротким и приветливым, и должны заключить, какого опасного врага приобрел себе Никон в Хитрово. Мы видели, что Хитрово был врагом Нащокина; но известие об особенном расположении Хитрово к иностранцам заставляет нас и его по направлению причислить к людям, смотревшим на запад, как Морозов, Ртищев, Нащокин и Матвеев. О другом враге Никона, Родионе Матвеевиче Стрешневе, говорится, что царь Алексей Михайлович считал его не подлежащим человеческим страстям - новое объяснение, почему царь мог так колебаться между Никоном и врагами его, если авторитет патриарха мог перетягиваться авторитетом Стрешнева. Наконец, встречаем отзыв о третьем враге Никона, Никите Михайловиче Бобарыкине, родственнике Романовых и Шереметевых, который представляется человеком, любящим добро, праводушным и совершенно бескорыстным. Если у царя составилось именно такое мнение о Бобарыкине, то понятно, почему он не спешил удовлетворить Никона, по жалобам которого Бобарыкин являлся совершенно иным человеком.

Мы уже останавливались на деятельности одного из любимцев царя Алексея, Феодора Михайловича Ртищева, видели покровительство, которое он оказывал просвещению; потом видели, что ему приписывалась попытка обращения к кредиту во время безденежья. До нас дошло житие Ртищева, краткое и написанное в виде похвального слова, но все же сообщающее нам некоторые любопытные известия о деятельности лица и его характере. Житие выставляет Ртищева человеком необыкновенно благоразумным,

умеренным, говорит, что он сдерживал Морозова и Никона. Майерберг подтверждает свидетельство жития, также выставляет благоразумие Ртищева, которым он, не имея еще 40 лет, превосходил стариков. В житии встречаем еще несколько любопытных известий о характере Ртищева: так, например, продавая одно из своих сел, он уменьшил цену с условием, чтобы покупатель хорошо обходился с крестьянами: подарил землю городу Арзамасу, узнавши, что она нужна жителям, а купить ее они не в состоянии; при смерти умолял наследников об одном - чтобы хорошо обходились с крестьянами. Вообще, взглядываясь в характер и деятельность любимцев царя Алексея, людей, им выведенных и поддерживаемых, Ртищева, Ордина-Нащокина, Матвеева, нельзя не признать, что он обладал драгоценнейшим для государей талантом - выбирать людей.

По личному характеру и отношениям всей этой знати мы также можем видеть, что и власть сына Михайлова не могла встречать препятствий с этой стороны. Мы уже видели, что интересы, которые поддерживало московское боярство при Иоанне III, сыне и внуке его, сменились другим интересом: преклонившись пред властью великих государей, знатные роды начали хлопотать по крайней мере о том, чтобы высшие должности не выходили из их среды, чтобы не сидеть вместе с каким-нибудь Андроновым, не подчиняться и своему брату, не только человеку низшего происхождения. После тяжелого для некоторых правления Филарета Никитича они успели отделаться от Репнина благодаря мягкости царя Михаила. Царь Алексей во время молодости был еще более похож на отца, чем после, что всего лучше видно из писем его к Никону в Соловки и князю Трубецкому во время первого похода под Смоленск. Впрочем, и в это время у него уже был любимец из худородных, Матвеев, но последний имел осторожность не выдаваться вперед. Во время походов, как говорят, государь становится самостоятельнее: он сближается с Ординым-Нащокиным, который не имеет осторожности Матвеева, и столкновения начинаются. Алексей Михайлович находится по характеру своему в затруднительном положении: с одной стороны, он считает необходимым поддержать задорного Афанасья, с другой - как же оскорбить Одоевского и Долгорукого с товарищи? Не имея сил действовать прямо и открыто, Алексей Михайлович, как все люди его характера, уходит, прячется, распоряжается тайком, чтобы избежать сопротивлений, неудовольствий; он заводит свой собственный приказ, приказ Тайных дел, из которого посылает бумаги, собственноручные письма, указы, о содержании которых никто не должен знать, кроме получающего; отсюда получает и Афанасий указы мимо старших, сюда пересылает свои мнения, свои жалобы. Между тем Одоевский и Долгорукий получали также удовлетворение; их царь называл великими и полномочными послами, а *на имя стародавних честных родов*; приписал было к ним в третьих и товарища их, Афанасья Лаврентьевича, но зачеркнул, потому что впереди написано было: стародавних честных родов. И вот со всеми этими уступками Алексей Михайлович доводит своего Афанасья до боярства,

доводит под конец до боярства и дьячего сына Матвеева. Тихо, незаметно очищается путь, по которому так смело пойдет младший сын Алексея.

Здесь мы оканчиваем историю Древней России. Деятельность обоих сыновей царя Алексея Михайловича, Феодора и Петра, принадлежит к новой истории; но прежде, нежели приступим к изображению этой деятельности, мы должны изложить состояние России, в каком оставил ее царь Алексей. Этим изложением начнем следующий том.